

Юрий Александрович Никитин
Ярость
Серия «Русские идут», книга 1

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119667
Никитин Ю. Ярость: роман: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-15003-X*

Аннотация

Что... или кто может остановить продвижение НАТО на восток? Что... или кто может вновь поднять Россию на уровень мировой державы? Твердая воля всего нескольких человек... и Идея, способная захватить умы целого народа! А для этого необходимо вспомнить, что «скифы мы и азиаты мы»...

Содержание

Предисловие	4
Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	35
ГЛАВА 8	41
ГЛАВА 9	46
ГЛАВА 10	51
ГЛАВА 11	56
ГЛАВА 12	62
ГЛАВА 13	67
ГЛАВА 14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Юрий НИКИТИН

ЯРОСТЬ

Этот роман является чистейшим вымыслом. Любое совпадение имен, географических названий или событий является случайным. Роман следует рассматривать как простой развлекательный боевичок со стрельбой и мордобоем.

Предисловие

Только ребенок полагает, что наступление – это продвижение танковой армии или удар крылатыми ракетами. Так наступления заканчиваются. Начинаются же с обработки общественного мнения: книги, фильмы, компьютерные игры... Вот сейчас я скачал с Интернета новенькую игру «Shogo», где главным злодеем является Иван Исаревич, вышла «Vigilance», где русских бьют в хвост и в гриву: уже в первом уровне этих тупых русских свиной замочили в какой-то православной церкви прямо под иконой Николая-угодника. Мне, конечно, плевать на эти разрисованные доски, я не тупенький христианин, но меня передергивает, когда на эти иконы, которым кланялась моя бабушка, плюют чужаки. Я, атеист от ушей до хвоста, расцениваю это как тягчайшее оскорбление!

Я расцениваю как грязное и подлое оскорбление, что США создает и распространяет по миру фильмы, книги и компьютерные игры, где русские всего лишь мишени. Ребенка уже с пеленок приучают стрелять в русских! Я утверждаю как гэймер с немалым стажем, т.е. с создания самых первых игр, что в России нет ни одной подобной игрушки, хотя российские фирмы выпустили их немало. В России не выпускается ни книг, ни фильмов, в которых наши крутые спецназовцы наводят свои порядки где-нибудь в Детройте или в Калифорнии. В то же время в США десятки книг и фильмов, где штатовские супермены бьют русских прямо в Москве!!! А завтра таких книг, фильмов и игрушек будут сотни.

Покорное русское православие смиренно стирает плевки с лица. Русский ислам готов подобные оскорбления смывать кровью врага. Если для сохранения чести России надо обьявить себя бедуином или курдом, я сегодня же им стану!

В утешение мне говорят, что у нас тоже был фильм, где дрались с Америкой. «Одинокое плавание»! Наши его называли как «Наш ответ Рэмбо». Но уже то, что тупенькие добродохоты приводят один и тот же пример, говорит, что с этим у нас не густо. Но на самом деле какой ответ Рэмбо, если тот бьет пачками наших спецназовцев, уничтожает наши самолеты и танки, а в фильме «Одинокое плавание» наш корабль наткнулся всего лишь на группу террористов, которых сами Штаты собирались не то разбомбить, не то еще как-то стереть с лица земли? Наши парни успели перебить гадов всего за пару минут до того, как в США ударили бы по этому месту крылатыми ракетами. Так что пример с фильмом – мимо тазика! Нигде, повторяю, ни в одной книге, ни в одном фильме, ни в одной компьютерной игре – наши не высаживают десанты в США и не бьют их пачками.

Кого это задело, милости просим на сайт <http://nikitin.webmaster.com.ru>. Там уже второй год идет драка по этому поводу. Да и по другим тоже :-)). Адрес автора: frog@elnet.msk.ru

Один тут знакомый дурень (но мужик хороший, хоть и всего лишь мужик) постоянно морщится при каждом упоминании компьютерных игр. Несерьезно, писатель должен вещать о Шекспире, Достоевском, Тютчеве... А у самого дети не слышали о Шекспире, а с утра до ночи – за компьютерными играми! И от чего больше «торчат»? А какие тиражи у

компьютерных игр? Их запудривание мозгов подростка несравнимо с очищающим влиянием забытых шекспиров, которых уже путают с создателями алгебры или египетских пирамид!

Сегодня инсталлировал добавки к «Delta Force». В основной игре американский спецназ высаживается в России в Вороньем Лесу, там косит тупых русских солдат, что только умеют выскакивать под пули храбрых американцев (увы, за русских нет миссий!), орать «На нас напали!», «Нас убивают!» и падают-падают, падают окровавленными кусками мяса под пулями храбрых американцев! Как хорошо быть американцами. Или хотя бы на их стороне... Идти с ними и убивать этих проклятых русских, которые не дают сдачи. В добавочных миссиях высаживаемся уже на Новой Земле, наводим там порядок, убивая и расстреливая русских солдат, конечно же – тупых и не умеющих защищаться.

Объявлено, что вот-вот выйдут новые игры уже многих фирм (есть скриншоты и даже демки), где американские вояки крушат, давят, расстреливают и убивают, убивают, убивают русских. Здесь, в моей России.

Кто-то скажет: ну и что? Отвечайте им тем же. Создавайте такие же игры. Если создадите круче, то Империя сама отступит. Увы, это играть по навязанным нам правилам. Представьте себе, пьяный слесарь останавливает вас на улице отборной бранью. Вчера, сегодня. И завтра остановит. И что же? Отвечать на том же языке? Или по книжечкам выучить блатной язык покруче? Увы, для споров со слесарем языкового запаса мало. Надо и мозги повернуть иначе. И душу.

Приходится искать другой ответ. Не только потому, что негоже опускаться до уровня пьяного слесаря. Мы бываем и гораздо ниже, куда слесарю не опуститься. Но негоже терять высоты, куда юсовцу не подняться! Так что имеем право остановить мерзавца другим способом.

Каким?

А тем, который подойдет. У интеллигента всегда больше возможностей. Это он сам себе постоянно связывает руки культурой и воспитанием, в то время как Империя... то бишь пьяный слесарь, развязан полностью.

Мы можем развязаться так, что американский слесарь ужаснется! Широкий русский человек, говорил Достоевский, широк! И добавлял: я бы – сузил. Так вот, не надо это... сузил. Пришла пора вспомнить, что скифы мы, и азиаты мы.

Часть I

ГЛАВА 1

На экране бородатые копны тягуче и мощно гудели, помахивали золотыми кадилами. По комнатке потек приторный запах ладана. На втором канале – тоже попы, только передача из другого собора. На третьем толстомордый сытый диктор, любуясь своим голосом, жирно и пространно делился своими замечательными рассуждениями на тему, что может сделать Кречет, так стремительно прорвавшийся к креслу президента.

Наконец отыскался канал с дохленьким концертом. Полуголые девицы старательно танцевали, выкрикивали что-то вроде детской считалки. Пришлось приглушить звук, так все же лучше, врубил пентюль и сказал себе твердо, что сегодня точно пройду седьмой уровень. Держитесь, люди! Я, Виктор Александрович Никольский, стою во главе бедных и оболганных орков, веду их войска, постепенно наращивая мощь, апгрэйдывая, захватывая ресурсы!

Хрюка соскочила с кресла, в два быстрых прыжка оказалась у двери. По тому, как она в полном восторге не просто махала обрубок хвоста, а неистово виляла всем задом, я уже понял, кто выходит из лифта.

В дверь позвонили быстро, требовательно. Едва я открыл, на пороге сшиблись Хрюка с таким же по весу существом. Обе визжали и обнимались, Хрюка прижала Дашеньку, мою внучку, к стене, пыталась вылизать ей лицо, прочистить уши и заодно сорвать красивую заколку в детских волосенках.

– Довольно, Хрюка, довольно, – сказал я. – Дашенька, что-то стряслось? Чтоб ты из школы заглянула к деду, хотя это по дороге...

Дашенька, не снимая ранца, помчалась в комнату:

– Татьяна Пална велела выучить за каникулы по стихотворению! Что-нибудь из классики...

– Ну-ну, – подбодрил я. – Хорошо... Только кого теперь считают классиком?

– Тебе виднее, дедушка.

– Лучше у мамы спроси. Она последние новости смотрит.

– А мама говорит, что у нас только интересные книги! А классика осталась у тебя.

Хорошие у меня дети. Замуж выходить или работу менять – не спрашивают. А какого цвета блузку надеть – спросит обязательно. Уважение, значит, старшему поколению.

– Выучи «Скифы», – посоветовал я.

– А это о чем?

– О продвижении НАТО к нашим границам... Запад молча объявил нам войну, а Блок уговаривал их опомниться, иначе...

– Что иначе, дедушка?

– Прочти, узнаешь.

Я слышал, как в другой комнате шебаршилось на книжных полках, бурчало, попискивало – у меня классики немного, да и то не словотреп, а фундаментальные труды по истории человечества, – потом донесся ясный чистый голосок:

Милльоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы,

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, —

С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.

Мы, как послушные холопы,

Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!
Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!
Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет следа
От ваших Пестумов, быть может!
О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..
Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...
Мы помним всё – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Я пытался сосредоточиться, чертовы люди перешли в контрнаступление, ввели в бой тяжелую конницу и отряд колдунов, но чистый детский голосок, старательно выговаривающий слова, вторгся в сознание:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!
А если нет, – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будет проклипать
Больное позднее потомство!
Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!
Но сами мы – отныне – вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!
Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..
В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз – на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Краем глаза, не отрываясь от экрана, где шел кровавый бой, я видел, как она появилась на пороге комнаты с книжкой в руках. Хрюка прыгала ей на плечи, уже растрепала волосы. Если учесть, что Хрюка – боксер, толстая и очень живая, то Дашенька у меня растет крепенькой, раз еще держится на ногах.

– Нас тьмы и тьмы, – повторила она с недоумением, – а что это?

– Тьма, – ответил я, – это сотни миллионов. Так вроде бы по древнерусскому счету.

Сколько точно, посмотри словарь.

– А разве нас сотни миллионов?

– Блок считал нас вместе с арабами и прочими восточниками. Потому для нас всего час, что для них века. Восток насчитывает десяток тысяч лет цивилизации, а Запад – несколько сот лет.

– А мы?

– Ну, это смотря с кем нас считать.

– А-а-а-а... А что это за провал Лиссабона и Мессины?.. Пестумы?

– Лапушка, дед не все помнит на свете. Наверное, когда арабы захватили Испанию, Португалию, половину Франции... Там города и сейчас такие, что хоть в Арабский халифат переноси. А Пестумы – это греческая колония, мы ее разгромили, когда были арабами...

– Мы были арабами?

– Кем мы только не были... Сейчас вот орками...

– Понятно... а вот, «любим все, и жар холодных числ»... как это?... И вот непонятно, что за парижских улиц ад?

Мои орки смяли эту тупую сытую конницу, колдунов разогнал мой дракончик. Я выслал вперед кавалерию, следом расположил лучников, а катапульты поставил сзади.

– Достоевский сказал, что широк русский человек, широк!.. И добавил: я бы – сузил. Вот и Блок о нашей широте... Все любим, все понимаем, все едим, все творим... Когда наши казаки вошли во Францию за отступающим Наполеоном, там был ад не только в Париже... С тех пор весь Запад трясет при слове «казаки»... Те же казаки не раз бывали и в Германии. С Суворовым брали Берлин... Помню песню: «Едут-едут по Берлину наши казаки!» Сожгли, видать, Кельн, потому и дымные громады. «Пока томишься мукой сладкой»... Ну, это наркоманы. Весь западный мир в наркоте... «Больное позднее потомство»? Тоже наркоманы, всякие больные, извращенцы... ну, тебе рано знать подробности, всякие там мутанты, любители кошек... Или великий Блок прозорливо полагал, что шарахнем по зажавшемуся Западу атомной бомбой, а от радиации ясно, какое потомство... Когда доведут до той ста-

дии, как сейчас со своим НАТО, то оправдано любое оружие! «Идите на Урал»? Понятно, НАТО не то что до Урала, до Владивостока дойдет, если не перебить ему лапы. А еще лучше – хребет.

Она кивнула, сунула книжку в ранец, я был слишком занят наступлением, чтобы ревниво проследить, сняла ли супер, чмокнула в щеку, еще охотнее чмокнула Хрюку, умчалась, только маленький смерч остался кружиться по комнате.

А я весь уже был там, на бранном поле, пытаюсь перейти узкий брод на сторону противника. Машинное ай-кью со времен первых «Warcraft» повысилось, выигрывалось все труднее. Орки в космосе поумнее своих деревенских собратьев, я трижды начинал чертов седьмой и вот, похоже, отыскал путь...

Конечно, игры вроде бы дело детское, так говорят, а тут уже седина посеребрила не только голову, но и щетину на подбородке, но я играл, играл с удовольствием, а кто скажет, что я дебил, пошлю на три буквы, ибо еще помню кое-что из лексикона грузчиков, поработал в молодости, а два десятка трудов по футурологии и звание доктора наук ничуть не мешают послать без всякого стеснения.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. После третьего звонка приятный женский голос сообщил, что номер звонившего «не определен». Ну и черт с тобой, сказал я мысленно. В России почему-то не принято называться, как делается во всем мире, эту функцию хоть в какой-то мере начал выполнять определитель, громко и ясно называя номер, но определитель не срабатывает, когда звонят из автомата или когда на том конце провода ставят антиопределитель.

Телефон звонил, звонил, звонил, словно на том конце провода наглец видел меня, видел, чем занимаюсь, и считал себя вправе оторвать от никчемного, по его убогому умишку, занятия.

Сердась, я сорвал трубку, даже не приглушив звук:

– Алло!

Из мембраны тотчас же донесся приятный женский голос, чистый и доброжелательный, я сразу увидел на том конце провода милую женщину с добрым лицом и усталыми глазами.

– Виктор Александрович, это Марина, секретарь президента... Не кладите трубку, переключаю...

В мембране щелкнуло, после паузы донесся довольный смешок, сильный, уверенный. Мне почудилось, что узнаю этот голос, не похожий ни на один голос в мире.

– Виктор Александрович?

– Я, – ответил я с явным недовольством. Войско людей перешло в наступление, лупило моих бедных орков, из динамика рвались горестные крики погибающих тварей. – Что угодно?

Я не люблю это неосознанное полухамство, когда звонят, не называясь. Правда, девушка назвалась, но...

– Виктор Александрович, – сказал собеседник, словно угадавший мысли, – это Кречет вас решил побеспокоить в столь ответственный момент. Судя по воплям из вашего компьютера, эти тупые твари никак не желают выполнять ваш стратегический замысел?

Я сглотнул вертевшееся на языке ругательство, пробормотал:

– Думаю, господин... э-э... президент, вам это знакомо тоже.

– Знакомо, – согласились на том конце провода. – Но больше с людьми. А вы, как я понимаю, на стороне зеленых уродов?

Мысли метались настолько хаотичные, что я едва попал курсором мышки на паузу. Крики страдания сразу заменились ровной боевой музыкой. Приглушил звук, совсем выключо-

чить – показать, что потрясен этим звонком, хотя, если честно, тряхнуло в самом деле. Позвонил Кречет, вчера победивший на выборах, сбывшийся кошмар – генерал в кресле президента страны!

– Виктор Александрович, – ворвался в стадо моих мыслей голос, привыкший отдавать команды, и я сразу ошетинился, – у меня к вам несколько необычное предложение.

– Слушаю, – обронил я.

– Только отнеситесь к нему серьезно.

– Я вообще-то человек серьезный.

– Нам надо бы повидаться.

Один орк застыл с поднятым над головой топором, два других зеленых уродца замерли в отчаянной схватке с напавшим на них озверевшим рыцарем на черном, как ночь, коне.

– Как я понимаю, – сказал я, сам дивясь своей сдержанности и самообладанию, – когда президент говорит, что надо повидаться, то я должен бросить свои дела... что они в сравнении?.. и мчаться, роняя штаны и повизгивая от счастья?.. Да еще такой президент!

– Я вам не нравлюсь, – послышался в трубке понимающий рокочущий басок, который я ненавидел до поросячьего визга. – Впрочем, вы – интеллигент чистой воды, а я – боевой генерал. Но мне тоже сейчас нельзя покидать Кремль. Давайте так. За вами подъедет машина в указанное вами время. Доставят... ну, не в мой кабинет, если так уж против, да и мне не нравится эта царская роскошь, но можем встретиться в гостиной, где развешаны картины... как его, ну, очень известного русского художника с очень нерусской фамилией.

Играет в унтера, отметил я. Дразнит. Уж картины, что висят в ныне твоём кабинете, ты знаешь...

– ...и отвезет вас обратно, – продолжал Кречет, – как только вам наскучит общаться со мной. Но я просил бы не торопиться с ответом. Я же чувствую, как вас подмывает послать меня... скажем, в казарму, где мне и место, а самому наслаждаться сражением. Кстати, вы ж интеллект, играли бы в мирные квесты, литературные ролики. А у вас, как слышно по воплям, уже и драконы? Уровень не ниже шестого! Чтобы добраться, надо иметь стратегическое мышление.

Я ответил:

– Ладно, присылайте свой «черный ворон».

Ляпнул скорее от растерянности, инстинктивного желания не терять остатки независимости, но Кречет просто поинтересовался:

– А ваши орки?

– Я уже засэйвился, – ответил я.

Даже не запомнил, с какой строчки надо будет грузиться, руки вздрагивали, а в голове металась смятенная мысль. Всемогущий Кречет, солдафон и грубиян, пришествия которого так страшилась вся интеллигенция и который победил на выборах благодаря голосам простого народа. Он говорил с ними на их языке, обещал карать и вешать... Ну, пусть не совсем вешать, но в нем узрели твердую руку, что враз покончит с коррупцией, сотрет в порошок мафию, начнет расстреливать бандитов без суда. И вот такой человек, которого я боюсь и заранее ненавижу, хочет поговорить?

Сам ли он играет в «Starcraft-2», или же ему положили досье на меня, футуролога, известного только в узких кругах? Скорее всего, играет. Досье не позволит определить, на каком я уровне. А этот солдафон сразу сказал, где появляются драконы... Ну, да Кречету играть проще, все-таки военно-стратегическая геймина, а вот я, футуролог...

Вздрыгнул от толчка: Хрюка, ощутив мое смятение, лезла на колени. Иногда я беру на руки этого сорокакилограммового кабана, она бесстыдно пытается уместиться на этом крохотном пятчке, путая себя с болонкой, но сейчас я проговорил смятенно:

– Погоди, Хрюка, погоди...

Черт... я силен и уверен, всяк это видит и всяк скажет. Все люди с возрастом обретают эту уверенность в своих силах, независимость. Не только показную, но и настоящую, ибо невозможно прожить даже до сорока с чувством неуверенности, неполноценности, ущербности. Такой человек попросту умрет от нервных болезней. То бишь язвы желудка, инфаркта, инсульта... словом, как известно, все болезни, кроме одной, от нервов.

Но кто признается, что эта уверенность обретается за счет суждения своего мирка? Человек в возрасте уже не сует голову туда, где могут по ней настучать... не обязательно настучат, но только могут стукнуть! Он не бродит по дороге, где два года назад вступил в лужу, не заговаривает на улице с теми людьми, которые похожи на когда-то ответивших грубо, вообще старается ограничиться уже привычным миром, мирком, где гарантированный комфорт, уют, он не заводит новых знакомых...

Да, я полон сил, так мне кажется, но я предпочитаю общаться с орками из «Starcraft», а не вылезать из надежного панциря на свежий воздух с его сквозняками, ветром, дождем, градом...

ГЛАВА 2

Когда позвонили, я даже не заглянул в глазок. Преступность преступностью, но привычки той, советской, жизни берут верх. Хрюка отпихивала, рвалась выскочить первой. Я не стал противиться, при всей ее мощи народ не пугается, морда веселая и добрая, а кто и мог бы испугаться, не успевает: она бросается на шею, обнимается, лизнет, помашет обрубок хвоста, и каждый с радостным изумлением видит, что этот страшный крокодил на самом деле вовсе не крокодил, а что-то вроде очень крупного зайчика.

На площадке смиренно стоял немолодой человек в мешковатом костюме. Взгляд был усталым. Он напоминал боксера-профессионала в тяжелом весе, который после матча не может попасть в свою квартиру. Хрюка прыгала ему на грудь, виляя задом в восторге, гостей обожает, а человек спросил негромко:

– Виктор Александрович?

– Да.

– С вами говорил мой шеф. Вы еще не передумали?

Я спросил вызывающе:

– А что, могу отказаться?

Мужчина взглянул укоризненно:

– Можете сказать, что ваши планы изменились. Никаких обид, никаких вопросов.

– Да ладно, – сказал я, чувствуя неловкость, что ни за что ни про что обидел человека. –

Это я так. Поехали?

– Да, пожалуй. Только позвольте заметить, что же вы так сразу открываете? Столько воря развелось! Да и сама дверь из жеваной бумаги, пальцем проткнешь. И в пазах не держится, подросток выбьет плечом.

– Да, теперь еще те подростки, – согласился я. – Но кому нужна моя квартира?

– Не скажите, – заметил шофер серьезно. В его голосе появились новые нотки. – Теперь окажется на примете. Сотни голов начнут сушить мозги над загадкой, зачем это понадобился ее жилец новому президенту.

Хрюка пыталась выскользнуть со мной, гулять обожает, но я велел строго:

– Дома! Охраняй!

Мужчина смолчал, но такую усмешку я умею видеть и спиной. Что-то он не больно верил, что моя Хрюка будет охранять квартиру.

Возле лифта личный шофер президента вежливо остановился, давая мне возможность самому нажать кнопку вызова. Всячески подчеркивал, что хозяин я, а он только шофер. Правда, возможно, это касается только лифта.

Кабина долго скрежетала, звякала, наконец тяжело громыхнуло, захрюкало, дверь нехотя начала отворяться. Провожатый пропустил меня, вошел, как показалось, с некоторой опаской. Опасается, понял я, что взорвется все, что навешано под одежкой. Такие костюмы, как пишут в романах, легко скрывают не только бронежилеты, но и целые арсеналы.

Консьержка проводила нас любопытным взглядом. Возле крыльца под табличкой «Парковка запрещена» стояло с десятков автомобилей, в сумерках я не разбирался, но вот эта называется «БМВ» и принадлежит соседу этажом выше, а это «мерс», хозяин живет на самом верху... Среди роскошных иномарок черная «Волга» выделялась скромной незатейливостью.

Провожатый открыл дверцу, дождался, пока я сяду, быстро перешел на ту сторону и сел за руль.

– Меня зовут Михаилом Антоновичем, – представился он с чисто русской неспешностью, когда называют свои имена после долгих разговоров, а то и при второй-третьей

встрече. – Фамилия Мирошник. Мельник, если перевести на русский язык. Я шофер, просто шофер, так что на мою отлучку могли не обратить внимания. Но это вряд ли.

– Мне чего-то надо опасаться?

– Вряд ли, – отмахнулся Мирошник. – Пройдет по статье встречи с интеллигенцией. Мол, солдафон безуспешно пытается наладить отношения с интелеями. А это не с промышленниками или банкирами! Силы и власти у вас нет, как и не было, так что сочтут, что генерал напрасно тратит бесценное время.

Я поинтересовался ядовито:

– А как вы думаете?

– Я что, я просто шофер.

– Не прибедняйтесь. Личный шофер знает больше, чем члены правительства.

Мирошник улыбнулся одними глазами. Было видно, что похвала ему приятна, но заметно и то, что на лесть не купится, такие шоферы проходят проверку, тесты и обработку похлеще космонавтской.

Я старался ощутить себя в машине президента, но не удалось, потому что и салон самый обыкновенный, и шофер просто шофер, и ведет осторожно, не пытается обгонять, не включает свои президентские мигалки.

– Дорого это обошлось?

– Что?

– Ну, обыкновенность.

Мирошник, похоже, понял.

– Таких подробностей не знаю. Но салон, естественно, не прошить ни из автомата, ни из гранатомета. Стекла, понятно, бронебойные тоже. Есть скрытые двигатели форсажа, есть подфарные пулеметы, тоже не простые. Танк сметут. Я думаю, что оружейникам просто хотелось блеснуть, к тому же премия... На самом же деле только лишняя морока управлять этим крейсером. Попробуй развернуть с легкостью обычной «Волги»!

– Теперь везде применяют сервомоторы, – заметил я.

– Эта штука тоже... компьютеризирована, – он с трудом выговорил длинное слово, – черт, язык сломаешь!.. Запускается как ключом, так и голосом, останавливается тоже. Вообще, все команды можно рычагами, а можно и с голоса...

Он неожиданно хихикнул.

– Что-то смешное? – спросил я вежливо.

– Да так, – он вяло качнул головой. – Был тут случай с первой моделью...

– Расскажите, – попросил я.

Он покосился на меня коричневым, как у коня, глазом, заколебался. Видно было, что и хочется рассказать, явно случай хорош, но и как-то неловко...

– Не могу, – сказал наконец со вздохом. – Мы ж народ простой, а вы – футуролог!

– Я работал пять лет в литейном цехе, – сообщил я. – Потом три года портовым грузчиком. Правда, в молодости, но тех друзей не забыл.

Он явно обрадовался:

– Правда? Никогда бы не подумал. Я думал, что ученые так и рождаются бородачатыми и с очками на носу. Ну тогда слушайте... Первую машину для президента делали как надо, обкатывали сам конструктор и программист, неделя шла за неделей, все работало без сучка и задоринки. Чтобы управлять голосом, зажигание было поставлено на кодовое слово «... твою мать», а чтобы затормозить, надо было сказать... гм... другое нехорошее слово. Понятно, потом бы все заменили, а пока ребята развлекались, там молодые, талантливые, веселые... Все шло нормально, но вот однажды начальник охраны прибегает: ребята, дайте срочно вашу машину! Наши все на заданиях, а мне тут позарез смотаться в одно место, а

мотор здесь, как я слышал, усиленный! Ну, вытолкал обоих в шею, сел за руль, дал газ, а машина ни с места. Он ее так и эдак, но она как вкопанная. Совсем измучившись, начал было вылезать, сказав со злостью: «Что за машина, мать ее...» – и тут она как рванет! Как понесла! Он обалдел, едва успевал руль крутить. Обрадовался, машина идет легко, как сокол над озером. Довольный, гнал-гнал, вот уже и его дом, нажал на тормоза, а машина прет и прет... Он в панике начал крутить баранку, жмет на тормоз, дергает ручник, а машина все равно несется, как пьяный лось... Он едва успевал крутить руль, уже на красный свет проскакивал, поседел весь, уже и за город выехал...

– Ну-ну, – поторопил я заинтересованно, ибо Мирошник замолчал, озабоченно объезжая группу подозрительных машин.

– А дальше еще страшнее, – продолжил Мирошник, когда отъехали на благополучное расстояние. – Несется как пуля, а далеко впереди вдруг дорога обрывается! Жуткий карьер, только слышно, как на дне экскаваторы скребут дно. Он снова на все педали, но машина хоть бы хны, мчится прямо к пропасти!.. Он побелел, закусил губу, сказал обреченно: «Хана мне». Правда, он сказал другое слово, покрепче...

– Это эвфемизм, – заверил я, – я уже понял, что за слово.

Он посмотрел недоверчиво, может быть, пять лет в литейном и три года грузчика малый стаж, чтобы знать такие слова, забыл совсем, что теперь ими пересыпают речь в детских садах.

– Да?... Гм... Машина была уже на краю обрыва, но вдруг замерла как вкопанная! Тормоза схватили намертво, как приклеилась на полном ходу. Начальник охраны глаза выпучил. Долго сидел, еще не веря в счастье. Потом вытер пот со лба, сказал повеселевшим голосом: «А я уж думал, мать ее...»

– Что? – переспросил я. – Сказал это кодовое слово? И машина – в пропасть?

– Как видите, – ответил Мирошник серьезно. – Эта машина – уже второй вариант. Здесь тоже можно не только рулем да педалями, но и голосом: ну там, прямо, влево, вправо, тормоз, форсаж, цель впереди, пулемет...

– Даже такие слушает? – удивился я. – Ничего себе машина.

– Да это обычные программы, – возразил он, но было видно, что раздувался от гордости. – Сейчас программы управления голосом продаются на Митинском рынке и на Горбушке. Я, конечно, там не покупаю, но некоторые мои знакомые...

– И мои тоже, – кивнул я. – Они видели у парня, что слева от столика, где табличка «Все для Мака». Им программы понравились, но я покупать не стал. Пока руки не доходят.

Он кивнул, я ощутил, что между нами наконец-то установилось настоящее взаимопонимание, как между двумя курильщиками в вагоне для некурящих, или между двумя евреями при Советской власти, или хохлами в Израиле.

Машина въехала в Боровицкие ворота. Часовые с двух сторон заглянули в машину, Мирошник протянул пропуск. Я считал себя толстокожим, но подозрительные взоры стражей с такой мощью ощупывали все швы в моей одежде, что шерсть встала дыбом, я на миг ощутил себя не ученым с мировым именем, а дикарем, который с наслаждением двинул бы кулаком в зубы.

Мирошник буркнул:

– Это что... При прошлом президенте тут чуть ли не раздевали! Пять рентгеновских аппаратов стояло.

– Неужели?

– Пять не пять, но три я сам видел.

Машина въехала в другой мир, о котором еще в старину был анекдот в вопросах: где проходит граница между социализмом и развитым социализмом? Ответ: по Московской

окружной дороге. А где граница между развитым социализмом и коммунизмом? Ответ: по Кремлевской стене.

Мир по эту сторону Кремлевской стены был чист, стерилен и богат. Если остальная Москва тонет в грязи, не говоря уже о стране, если шахтеры не знают, чем кормить детей, то здесь рядами зеленеют бонсаи, купленные в Японии за миллионы долларов, из которых половина ушла в карманы тех, кто покупал за казенный счет.

Подплыли и замерли возле машины широкие ступеньки из белого мрамора. У подъезда стояли в штатском, одетые как дипломаты из ООН. Их небрежные взгляды скользнули по мне совсем вроде бы невзначай, беседу не прерывали, но я ощутил, как у меня вывернули карманы и пересчитали все лейкоциты в крови.

– Это что, – сказал Мирошник снова. – При прошлом здесь стоял чуть ли не полк. А резиденция была не здесь, вон там... Здесь что, слишком просто. А там залы, залы!

Когда меня провели по недлинному коридору, я еще успел подумать с усмешкой, что и это влетело в копеечку: так замаскироваться. В любой коммерческой фирме здоровяки с автоматами выставляют себя напоказ, а здесь их прячут, а напоказ посадили чуть ли не старушек со спицами...

Около входа двое мужчин, очень обыкновенные, разве что ростом повыше обыкновенных да чересчур массивные от избытка мышц. Я уловил на себе пару взглядов, но ничего не спросили. Мирошник толкнул дверь, мы оказались в просторной приемной. За столом обыкновенная секретарша, еще двое мужчин углубились в свежие газеты.

На той стороне темнела дверь. Возле нее сидел на стуле неприметный военный с чемоданчиком на коленях. Ровный, строгий, с невозмутимым лицом. Черный чемоданчик, понял я. Тот самый, который носят за президентом всюду, чтобы успел нажать кнопку ядерной войны.

Мирошник кивнул женщине:

– Марина Павловна, я прибыл с товарищем... простите, Виктор Александрович, вы, наверное, предпочитаете «господин»?

– Раньше предпочитал, – отмахнулся я. – Теперь нет.

Женщина улыбнулась одними глазами. Я не видел, когда она включила переговорное устройство, но из приемника раздался рокочущий голос:

– Да-да, тащи его сюда.

Я изумился:

– И даже не подержать с часик в приемной? Это же несерьезно!

Мирошник хмыкнул, распахнул дверь.

ГЛАВА 3

Кабинет президента был классически огромен, стол – с футбольное поле, со стен высокомерно глядят картины великих, все блещет золотом, богатством. Любое кресло – произведение искусства, фаберже на фаберже сидит и фабержой погоняет, ковры, люстра... Впрочем, он всего несколько дней в роли президента, вряд ли что-то изменил. Это от предшественников. И даже тех, которые назывались не президентами, а генсеками. А то и царями. Все это не мне оценивать, я не отличу Веласкеса от Шилова, но в кабинете светились экраны двух огромных телевизоров, правда, с приглушенным звуком, на краю президентского стола монитор, настоящий, громадный, сама коробка компьютера едва заметна среди бумаг, блокнотов, серой коробки факса, неужели президент сам... как теперь говорят: тебя послать сейчас или по факсу?

Кречет нетерпеливо покрякивал в трубку телефона. В жизни он выглядел еще массивнее, чем на телеэкранах. Голова как пивной котел, лицо серое, почти безобразное, а разговаривал с невидимым собеседником с таким верблюжьим высокомерием, что мне тут же захотелось повернуться и уйти.

Он жестом пригласил сесть, злой гримасой добавил, что сейчас закончит с этим придурком и займется мною.

Я сел, сердце стучит чересчур часто, я на него прикрикнул шепотом, что великие дела творятся не здесь, а в тихих комнатках ученых, в лабораториях, и хотя на экранах мелькают то порнозвезды, то президенты, но в истории цивилизации остаются Архимед, Гомер, Сервантес, Достоевский, Кулибин... и редкий прохожий сумет ответить, кто в их времена правил миром и мелькал на телеэкранах.

И все же Кречет выглядел пугающе. Высокий, сложенный атлетически, широколицый, лицо поковыряно оспой, нос расплющен, как у бывшего боксера, массивный, как утес на Волге, а когда рычал в трубку, у меня по коже проносились стаи мурашек размером с откормленных мышей – голос был еще неприятнее, чем с экрана телевизора, – металлический, словно лязгал затвор, и надменный, словно он уже призвал меня в армию.

В старых книгах о таких говорили: чувствуется врожденная привычка повелевать, я таких заранее ненавидел, даже если те оказывались благородными героями. Единственное достоинство, что монитор – двадцать один дюйм, зерно – не больше ноль двадцати пяти, клавиатура под рукой, мышка майкрософтовская. На другом конце стола навороченная аппаратура, словно президент сам умеет попадать пальцем в клавиши, а не только в кнопку пуска ракет.

Кречет рыкнул в трубку напоследок, мне почудился на том конце жалобный писк, словно заяц попал под гусеницы танка, а Кречет поднялся, рост намного выше среднего, как и вес, – настоящий народный президент, ибо для простого народа очень важно, чтобы их глава был выше и здоровее других царей, королей и прочих президентов, здоровее в простом понимании: мощнее, шире в плечах, чтобы чужой президент или король, которому наш будет жать руку, смотрел на него снизу вверх, как пес на человека.

– Здравствуйте, Виктор Александрович, – Кречет вышел из-за стола, пошел навстречу с протянутой рукой. – Честно говоря, всегда хотел с вами повидаться!

Рукопожатие его было мягким, вежливым, только слабые и неуверенные люди жмут руку сильно, а по-настоящему сильные в такой дешевой демонстрации не нуждаются.

– Я вас, честно говоря, – сказал он неожиданно, – представлял другим. Ученый с мировым именем – это седая борода, очки, впалая грудь и спина колесом... И животик, естественно, свои туфли не разглядеть... А вы больше смахиваете на тренера по боксу. В среднем или полутяжелом весе.

– Спасибо, – говорю я, этот черт чувствует, что тренеру по боксу было бы приятно, если бы его приняли за ученого, а ученому всегда лестно, когда замечают его рост, широкие плечи, квадратную челюсть. – Спасибо, это не моя заслуга.

– А чья?

– Родителей, – ответил я, все не мог найти верный тон. – Я не из тех, кто истязает себя бегом трусцой... А где же карта?

– Карта? – не понял Кречет.

– Ну да. Перед которой отец народов не спит, а думает о судьбах народов.

Кречет расхохотался. Зубы у него были свои, пожелтевшие, как слоновая кость, но ровные и крепкие с виду, как у волка.

– А, это!.. Тогда где моя трубка и «Герцеговина-Флор»? У каждого самодура-диктатора свои привычки. Не курю, а вместо старой карты предпочитаю экран компьютера. Правда, теперь большая карта тоже понадобится. Нет еще такого экрана, чтобы в разрешении тысяча шестьсот на тысяча двести да на всю стену... Уже заказал, завтра повесят. Может быть, я несколько смягчу вас, если скажу, что читал все ваши работы по футурологии. И не просто читал, а могу пересказать. Пару особо задевших глав могу просто наизусть!

Секретарша внесла на подносе две чашки кофе. Еще когда она появилась на пороге, я ощутил запах настоящего мокко, из которого арабы на экспорт не продают ни единого зернышка, а потребляют сами.

– Спасибо, – поблагодарил я. С удовольствием сделал глоток, прислушался. Кофе был просто сказочный. – За этими зернами диверсантов наверняка посылаете?.. Как я знаю, в нашу страну, как и в Европу, под маркой настоящего мокко завозят обыкновенный.

Кречет кивнул, глаза из благодушных без всякого перехода стали острыми, как лезвия ножей:

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

– О кофе?

– О настоящем.

– Настоящем мокко, – уточнил я. – Все остальное...

Кречет сдержанно усмехнулся, но глаза держали меня как на острие прицела:

– Все остальное тоже допустимо... за неимением лучшего. Но если можем получить настоящее?.. Ладно, я солдафон и держиморда, унтер Пришибеев...

Я протестующе выставил ладони:

– Простите, я вас так не называл. Вы все-таки человек грамотный, а унтер и есть унтер. Вы тянете больше на Скалозуба, тот все-таки полковник.

– А я генерал, – подчеркнул Кречет. – А тупых генералов в нашей литературе нет. Есть беспомощные, как у Салтыкова, но тупых нет. А я даже читать умею, как вы заметили. Кроме устава, читал еще и ваши работы. Знаю, вам за них доставалось... да и сейчас достается. Что ж вы так резко меняете курс? Во времена Брежнева дрались за восстановление храма Христа Спасителя, а теперь, когда вы и ваша партия победили, вдруг отошли в сторону! Даже высказываетесь против засилья церкви?

Я ответил досадливо:

– Я дрался за восстановление храма в условиях диктатуры. А сейчас, когда победа, когда в наши ряды хлынула мутная волна политиков, демагогов, когда в церкви прут и ставят свечи главы правительства, депутаты и все те, кто еще вчера уничтожал эти церкви... согласитесь, для порядочного человека просто противно быть с ними рядом. А церковь, сохранив структуру и кадры, сейчас заняла место коммунистической партии. Если раньше я не мог включить телевизор, чтобы не наткнуться на пропаганду советского образа жизни, то теперь обязательно увижу бородатого попа, что учит, как жить, учит кланяться, смиряться, поко-

ряться власти, ибо власть президента от их бога. Эти же попы освящают банки, плотины, заводы, одобряют или не одобряют указы, бюджет, инспектируют армию...

Кречет усмехнулся краешком рта:

– Но сейчас самое время бы собирать плоды! Восстановление храма – ваших рук дело. Ваших и той группки интеллигенции, что сейчас в стороне. Вас оттерли?

– Я же сказал, сам отошел.

– Гм... Хотя некоторые все же что-то заполучили. Но в остальном плодами воспользовались те, кто успел вовремя перестроиться. Какое подлейшее слово «перестроился»!.. А у нас его употребляли как похвалу. Что за подлейшее время, а?

Я сказал угрюмо:

– Я автоматически выступаю против любой чрезмерной власти. Это моя натура. Так что не знаю, чем вызван ваш интерес...

Кречет развел руками:

– Да, пора к делу. А суть в том, что, в каком состоянии наша страна, знаете. Знаете и то, что всякий президент либо приводит свою команду, либо составляет ее спешно уже на месте. У меня команды нет, я победил на выборах, не смейтесь, в самом деле по воле народа. Но я один, почти один. И вы здесь затем, чтобы согласиться войти в президентскую команду.

Я отшатнулся:

– Шутить изволите?

– С какой стати?

– Я разрушитель, а не созидатель. Я вам такое наработаю!

Кречет покачал головой:

– А мне кажется, что мы сработаемся. В конце концов, вы мужик, и я мужик...

– Простите, – прервал я, сразу ощетинившись, – это вы мужик, если уж так хотите.

Он на несколько мгновений задержался с ответом, что для человека, привыкшего мгновенно передергивать затвор и наносить второй прицельный выстрел, вообще-то непривычно. Возможно, решал, в какой лагерь отправить на перевоспитание.

Наконец выбрал линию снисходительного удивления:

– Да, я мужик... Не отказываюсь. А вы... Ладно, глупости, не спрашиваю, хотя... Опустим это, хотя, честно говоря, любопытно, что вас так задело.

– Да так, – ответил я уклончиво. Какого черта цепляться к словам? Ясно же, президент, да еще такой, слушает только самого себя.

Он развел руками:

– Если не трудно, просветите. На будущее. Вдруг еще кто-то обидится. На днях у меня намечается встреча с послем из Испании...

В грубом голосе звучала ирония. Я вспыхнул, но заставил голос звучать так же ровно:

– Вы мужик, как вы сказали. Пусть так и будет. Но в тех краях, откуда я родом, мужиками называли тупое покорное быдло, грубое и ленивое.

Он широко улыбнулся:

– Да, но в революцию аристократов перевешали, перевешали... Было время. Я думал, их уже не осталось. Вы не из дворян, случаем? Сейчас всяк норовит назваться то дворянином, то графом, а кто понаглей – вовсе князем.

– Казацкому роду, – сказал я, – в отличие от дворянского, нет перевода. Много вы нас в самом деле вешали... и расстреливали, и распинали, и топили с приходом своей Советской власти, но казаки все равно будут. Гордые, не гнущие спины, настоящие... Так что уж простите, но я не мужик. И никогда им не стану.

Он слушал внимательно, лицо было недвижимое, затем примирительно улыбнулся:

– Эк вас задело... Это так говорится. Вы просто чувствительны к словам. Даже не как политик, те тоже чувствительны, но только к их нынешнему пониманию, а вы вовсе в

корень... Кто ж теперь так смотрит? Тогда скажем проще: вы – мужчина, и я – мужчина. В том понимании, какое вкладывалось раньше, а не сейчас. Согласны?

Я не был согласен, как это я да буду согласен с военным, да еще генералом, но мгновенная обучаемость этого вояки с квадратной рожей ошеломила настолько, что единственное, на что хватило сил, что вяло промямлить:

– Почему так уверены, что я смогу работать в вашем совете?

– Вы созидатель, – пророкотал он уверенным голосом. – Но когда появляются первые ростки, вы, вместо того чтобы дожидаться плодов, оставляете это другим, а сами ломитесь дальше. Потому до сих пор концы с концами сводите едва-едва... Но никому не завидуете, потому ни язвы, ни нервных припадков. Я вам не предлагаю должность министра! Всего лишь советника. Члена команды, который будет высказывать свое мнение, критиковать, предлагать какие-то варианты. Одна ваша извилина стоит иного научно-исследовательского института, а у вас этих извилин наберется, наберется. Глупо с моей стороны упускать такого человека!

Я упрямо покачал головой:

– Я же сказал, я наработаю. Любую команду развалю. Да и не люблю военных, признаюсь откровенно... даже с удовольствием.

– А кто их любит, – фыркнул Кречет. – Только подростки да перезрелые дуры из дальних деревень. Но военных в команде не будет. Даже я без погон, как видите. А что о прошлом... кто из нас не бывал в армии?

– Я не бывал, – ответил я с удовольствием.

Цепкий взгляд Кречета пробежал по мне, даже вроде бы попытался застегнуть слишком вольно расстегнутую пуговицу.

– Мне показывали досье. И там была строчка, что вы пытались попасть в ряды, но медкомиссия забраковала.

– Было другое время, – отмахнулся я. – Все же почему я?.. Есть громкие фамилии из творческой интеллигенции, ну, такие, как Цукоров или Козельмович...

Кречет поморщился:

– Это нормальные люди средней порядочности. Для нормальной страны, где хотят жить тихо и мирно, хорошо кушать и беречь здоровье. А у нас страна такая, что... нет, нужны чуточку сумасшедшие.

Мне показалось, что ослышался.

– Простите... средней порядочности? Я думал, что порядочность либо есть, либо ее нет...

Кречет отмахнулся:

– Это у вас от революционного мышления. Либо свет, либо тьма, либо ночь, либо яркий день, кто не с нами, тот против нас... А между днем и ночью бывают сумерки, а люди не праведники или злодеи. Есть и полупорядочные, и слабопорядочные, и неопорядочные. Ваш Цукоров был хорош уже тем, что все же сказал правду. Но героя из него делать – идиотизм. Как будто до преклонного возраста так и не видел, что творится! Мы все видели, все понимали, любой слесарь или министр одинаковыми словами крыли Советскую власть на кухне, а он, овечка, не знал о расстрелах, тюрьмах, лагерях, несвободе?.. А узнал только тогда, когда обеспечил себе такую славу отца водородной бомбы... кстати, теперь-то все знают, что шпионы все атомные секреты перетаскали из Америки... когда на грудь не помещались медали лауреатов всех Ленинских, Сталинских, Государственных премий, когда на счету были такие астрономические суммы, что можно было не страшиться потерять работу!

Я сказал, морщась:

– Но все-таки сказал. А другие так и молотили языками на кухне.

– Я и говорю, порядочный, – согласился Кречет. – Но не герой. Мог же сказать и раньше? Когда еще страшно было потерять работу?.. Как теряли другие, оставшиеся неизвестными?.. Э-э-э, он был политик, еще какой политик! Знал, в какой момент можно встать и сказать гордо: «Протестую!» Так и эти среднепорядочные, которым уже достаточно тех жалких реформ. Ну, свободного выезда за рубеж, который простому народу все равно не по карману, еще – получать валюту за выступления только в свой карман, не допуская государство...

– Что вполне справедливо, – ошетинился я.

– Кто спорит? Я говорю, что эти люди уже получили свои реформы. Других им не надо. Они ходят в церковь и ставят свечи, крестятся и бьют поклоны. А в мою команду нужны люди, которые хотят вырвать страну из этой грязи как можно быстрее!

Я сказал настороженно:

– Я страшусь таких людей. Они необходимы, но только не во главе целой страны. Когда эти честные и горячие люди брали власть, одержимые идеей благодетельствовать всех разом и сразу, то получалась либо кровавая Французская революция, либо Советская, либо движение Савонаролы, луддитов, тайпинов...

Кречет сказал успокаивающе:

– Погодите, погодите. Разве я сказал, что будем страну трясти? Вот потому-то я и хочу в команде таких людей, которые не позволят пуститься во все тяжкие.

– А я смогу не позволить?

– Скажу честно, права вето у вас не будет. Но прислушиваться к вашим советам будут все. Начиная с меня. Соглашайтесь, Виктор Александрович!

ГЛАВА 4

Неслышно отворилась дверь, вошел немолодой подтянутый человек с явно военной выправкой, но в гражданском. Бросил быстрый взгляд на меня, наклонился к Кречету, что-то шепнул. Тот хмыкнул, бросил коротко что-то вроде «Лупи», а когда тот уже направился к двери, вдруг хлопнул себя по лбу:

– Да, кстати... Что-то украинские националисты начали затихать... Подготовь пару миллионов долларов где-нибудь в западном банке. Нет, сейчас не переводи! Пусть работают на энтузиазме, сколько задора хватит... Хорошие парни. Искренние, честные. Надо их поддерживать в борьбе против проклятой Москвы, против гнусной России, что их угнетала и сейчас даже во сне видит, как бы снова покорить рідну нэньку Україну...

Тот сказал деловито:

– Там еще одна группа появилась. Злее! Каких только собак на нас не вешают.

– Хорошо, – сказал Кречет довольно. – Молодые?

– Одна молодежь!

– Добро. Чистые души, чистые сердца... Жаль, взрослеют быстро, а с возрастом любой национализм кончается. Если надо, им тоже малость денег надо подкинуть. Через нейтральные банки, конечно... Только бы кричали погромче, что Россия – враг, что у нее имперская политика, что я, чертов диктатор, строю планы, как бы устроить вторую Переяславскую Раду, а то и как-то иначе, но, мол, из достоверных источников стало известно, что президент России издал тайный указ... Их газеты сразу напечатают аршинными буквами. Да и наши подхватят.

Я с холодком вдоль спины ощутил, что Кречет неспроста говорит при мне о тайных вещах, о которых не должны пронюхать ни газетчики, ни телевидение, ни даже аппарат президента. Делится тайнами, после которых я вроде бы уже не могу уйти, слишком много узнал... но так может одурачить разве что этого штатского, вон даже взглянул с сочувствием, но уже как на соратника. На самом же деле...

Я почувствовал, как губы сами раздвигаются в стороны. Кречет даже обороты употребил те же, что и в моем футурологическом исследовании пятнадцатилетней давности, где я моделировал подобные отношения между Россией и Украиной. Приятно, что Кречет читал, хотя это не говорит о его интеллекте. Основным составом моих читателей были подростки...

Черт, но все равно приятно. Ведь друзей выбираем не по уму – кому нужен гений, обзывающий тебя дураком? – а по удобным приятным отношениям.

Кречет повернулся, пожаловался с озорной усмешкой:

– Где это видано, чтобы сам против себя финансировал подрывные группы?.. Но что делать, голодная и нищая Украина нам и на... словом... не нужна, но так ведь прямо не скажешь, если хохлы вдруг захотят присоединиться к России?

Я усмехнулся:

– А если все-таки вся Украина, устав голодать, захочет воссоединиться?

Кречет широко улыбнулся:

– Еще не дозрели! Но вторая линия обороны заготовлена. Мол, на каких условиях, с каким статусом, а там пойдут уточнения, согласования, снова дополнения, новые соглашения... которые можно растянуть на десятки лет. А за это время либо шах умрет, либо ишак сдохнет. В любом случае самим жрать нечего, но у нас есть хотя бы нефть и золото, как-то прокрутимся, на ноги встанем, но так вот в лоб Украине не скажешь?.. Дешевле подбросить сотню-другую миллионов долларов украинским националистам!

Знает же, подлец, мелькнула мысль, не брякну об этих миллионах. Явно досье собрано, начиная с внутриутробного состояния. Уверен не только в моих деловых качествах, хотя что

от них осталось, но и в моей порядочности!.. Ну погоди же. Я не связываю себя порядочностью по отношению к диктаторам.

– Смотрите, – сказал я наконец, – не прогадайте сами.

Он развел руками:

– Если бы вы знали, на какие трюки пускаются, только бы приблизиться к рычагам! И подкуп, и лесть, и шантаж, а уж интриги всех уровней сложности... Я не уверен, даже сомневаюсь, что любое ваше замечание будет приниматься... уж извините... но что будете высказываться без оглядки на свои интересы, в этом я уверен. Я думаю, вы сможете высказаться откровенно и обо мне.

Он смотрел насмешливо и вызывающе. Я вспыхнул, генерал подозревает меня в присутствии интеллигентам трусости, но сдержался:

– О вас и так говорит весь мир.

– Мне важно ваше суждение, – сказал он серьезно.

Я скептически хмыкнул:

– Так ли уж?.. Кто я?.. Даже не налоговый инспектор. Скажу, как и все, что победа на выборах вам досталась лишь благодаря той самой фразе. Ну, что пустите себе пулю в лоб, если за срок своего правления не выведете страну из кризиса. Да, эта фраза стала крылатой, она принесла победу. Так говорит любой обозреватель, любой ваш оппонент.

Кречет кивнул:

– Вы что-то недоговариваете.

– Нет, почему же? Я согласен с ними. Жаль, они не додумывают мысль до конца.

Он насторожился:

– Какого же?

– Почему именно эти слова привели к президентскому креслу? Одни говорят, что раз настолько уверены, значит, у вас есть либо связи с западными магнатами, либо знаете, как отобрать богатства мафии и пустить в бюджет. Другие уверены, что на вас работает команда экономистов куда мощнее, чем на предыдущего президента... Кто-то уверяет, что железной рукой сравнительно легко навести порядок, а рука у вас в самом деле железная; кто-то подсчитывает, каков огромный процент тех, кто проголосовал за вас лишь для того, чтобы увидеть, как президент застрелится...

Он сдержанно усмехнулся:

– Я думаю, таких даже больше, чем подсчитали.

– Вас не любят и боятся, – сказал я сдержанно.

– Но избрали же.

– Простой народ, – подчеркнул я. – А вся интеллигенция... вся!.. против. Беда любой страны в том, что интеллигенции всегда ничтожно мало в сравнении... скажем, со слесарями. А кроме слесарей, есть еще и грузчики, те все за вас, шоферы, подсобники, дворники... Продолжать?

– Достаточно, – согласился он. – Но какова истинная причина? В вашей интерпретации?

– А что, у меня должна быть своя?

Его глаза буравили меня с отвратительным любопытством.

– Вы не из тех, кого устраивают общие мнения.

– Был еще один пустячок, – ответил я нехотя. – Перелом в общественном сознании...

Нет, еще не перелом, а смутная тяга к перелому... Не в общественном строе, не в экономике. Не в политике...

Он подбодрил грубым генеральским голосом:

– Говорите, я пойму. Я ж говорил, даже читать умею!

Я развел руками:

– Это в самом деле трудно объяснить, а еще труднее – сформулировать для вашего солдатского устава. Народ еще не осознал... я сейчас говорю действительно о народе, включая как грузчиков, так и академиков... не осознал, но смутно чувствует, что объелся свободой отношений между полами, признанием гомосексов и проституток полноправными членами общества, развратом, оправданием любого преступления... я говорю не о физическом оправдании, хотя и здесь народ требует закрутить гайки, а об оправдании трусости, подлости, низости... Когда вы брякнули, что застрелитесь, в воздухе внезапно пахнуло чем-то добротным, благородным. Пахнуло временем, когда стрелялись на дуэлях, а пятно с мундира смывали кровью, пустив пулю в висок... или в сердце, вам будет виднее. Вот основная причина, почему за вас проголосовало столько народа, хотя, повторяю, даже ваши лучшие аналитики называют более поверхностные причины.

Кречет усмехнулся, спросил неожиданно:

– За что вы так не любите армию?

– Не люблю? – удивился я. – Я считаю ее крайне необходимой в любом государстве!.. Я против роспуска армий. Люди ведь разные в силу умственных способностей, а надо найти место всем. В армию всегда шли самые тупые, ленивые, не умеющие и не желающие работать. И самые агрессивные тоже. Для любого общества гораздо выгоднее таких изолировать вдали от городов, говорить об их особой цели, одевать в пышные мундиры, цеплять блестящие ордена и медали – все дикари любят блестящее, – а при малейшей возможности истреблять в мелких пограничных стычках. Каждый год в стране рождается, условно говоря, по миллиону младенцев, из которых ничтожная часть станет академиками, чуть больше – инженерами, основная масса – рабочими и крестьянами, но будет толика ни на что не годных, которых общество заинтересовано направить в офицерские училища. Погибнут – не жалко, хоть гибелью принесут пользу: не будут сидеть на шее государства. Да и своей тупостью и агрессивностью не будут раздражать общество.

Он слушал с неподвижным лицом. Когда я закончил, пророкотал начальственным голосом, при звуках которого любой интеллигент готов был объявить себя хоть евреем, только бы бежать вон из страны:

– Для иных, особенно из глубинки, офицерское училище было единственной возможностью вырваться из медвежьей дыры. Потому среди офицеров столько украинцев и сибиряков и совсем нет сытенских москвичей... Ну да ладно. Как я понял, вы готовы войти в мой тайный совет?

Я удивился:

– Вы все еще не передумали?

– Нет, как бы вы меня к этому ни подталкивали.

– Вы знаете, – сказал я искренне, – я вас невзлюбил еще с первого появления на экране. И потом, когда вас атаквали газетчики. А сейчас, пообщавшись, я вас возненавидел вовсе.

Он кивнул, довольный, как слон, и непробиваемый, словно сверхсовременный танк, по которому я стрелял из детского лука:

– Тогда сработаемся. Виктор Александрович, я начинаю рабочий день рано... но вас заставить изменить свои сибаритские наклонности вряд ли смогу. Так что возьмите сотовый телефон, чтобы общаться при необходимости, да еще...

Вошла секретарша, в обеих руках несла, словно бомбу, небольшой чемоданчик, красивый, из дорогой кожи, размером меньше «дипломата».

– Все сделано, – сказала она приятным, но деловым тоном. – Вписаны эти... «Starcraft-2» и... полезные программы.

Кречет взял, взвесил на руке:

– Здесь факс, модем и прочие навороты. Системы связи с любой точкой земного шара. Разберетесь! Вы из редкой породы гуманитариев, что технику осваивают сразу. А сэйвы, надеюсь, перенесете сами.

Чемоданчик был почти невесомым. Я видел подобный на выставке, там даже RAM измерялась гигабайтами, такой ноутбук по мощи равен графической станции.

Тоже взвесив в руке, я признался:

– Это очень весомый аргумент. Очень.

ГЛАВА 5

Мирошник вел машину все так же неспешно, с крестьянской обстоятельностью. Но теперь я уловил, что он постоянно поглядывает в зеркальце и мгновенно замечает как машины, что проносятся навстречу, так и прохожих на тротуаре, мгновенно оценивает их по тому, как идут, как держат руки.

Он перехватил мой взгляд, сказал приглашающе:

– Вы курите, не стесняйтесь себя. Вон пепельница.

– Спасибо, – ответил я. – Не курю.

– А-а... Верно врачи говорят: кто бросает курить – оттягивает свой конец, кто курит – кончает раком.

– Да нет, – пояснил я. – Курить начинают от трусости, слабости, желания быть в стаде.

А я волк-одиночка.

– Ого!

Я усмехнулся:

– Если Кречет у нас... кречет, то и штаб у него должен соответствовать.

– Вы и в молодости не курили?

– Я всегда был волком-одиночкой.

Он кивнул, не отрывая глаз от дороги, тротуаров, машин. По-моему, замечал даже птиц, что могли оказаться вертолетами со снайперами на борту. Но я ощутил, что он меня из волков-одиночек перевел в матерые волчары, которым в самом деле не требуются ни сигареты, ни наркотики.

Экран небольшого телевизора светился, толстомордый дурак, растягивая слова, в программе «Итоги» рассказывал о международном положении. Я попытался найти рычажок звука, но с моим умением только улиток ловить, а когда удалось отыскать, комментатор уже убрался, пошла передача о пресс-конференции американского посла. Красиво улыбаясь, он с трибуны дал понять журналистам, что русских послали в задницу с их протестами против расширения НАТО на восток, США что хотели, то и будут делать, со слабыми не считаются, а Россия сейчас слаба, ее можно и надо добить, как в «Mortal Combat» добивают на ринге...

Мирошник бросил косой взгляд, я услышал, как заскрипела баранка под крепкими пальцами, костяшки побелели. На скулах натянулась кожа, выступили рифленые желваки.

– Это хорошо, – сказал я.

Его зубы скрипнули так, словно танк развернулся на мраморной площади.

– Хорошо?

– Просто прекрасно, – сказал я.

Он взглянул на меня так, будто и меня с наслаждением бы зашвырнул под танк.

– Почему?

– Наше унижение, – пояснил я, – когда они расширяют свое НАТО на восток, концентрируя свои войска прямо у наших границ. Это не столько угроза, как унижение! Напоминание победителя, что нас поверг и теперь вытирает о нас свои американские сапоги!.. А чтобы мы зашевелились, нам не просто должны дать в морду, но и наплевать на нас, помочиться, вытереть сапоги. Это западные рыцари шляются по свету в поисках приключений, а наш дурак сидит да сопит в две дырочки, пока Змей не украдет его невесту, не спалит хату, не навалит кучу дерьма во дворе. Но Змей ошибается, когда думает, что если рыцарь шляется в поисках Змея, то он силен и храбр, а ежели Ванька лежит на печи да жует сопли, он слаб... Ему только разозлиться надо.

Мирошник слушал, посматривал недоверчиво. Похоже, он из тех патриотов, что растрачивают силы и время, выискивая доказательства, что русские – самый древний народ с

богатым прошлым, что всегда побеждал, что все великие люди – русские, а слоны в Африке – это наши мамонты, только гнусно облысевшие и измельчавшие.

А не отказаться ли, мелькнуло опасливое. Я не готов выползть из раковины. Я даже не улитка, а равлик – голенький, без домика на спине. Вот шоферуге закатил лекцию, что значит – с людьми давно не общался... Да и Кречет, это же ясно, недалеко ушел от своего шофера. А я все-таки мыслитель, философ, придумыватель новых социальных систем, форм правления... Но я знаю, что даже самые безукоризненные схемы, будучи воплощены в жизнь, чаще всего рожают чудовищ. Коммунизм – не пример ли? Это нынешнему совку кажется, что коммунизм придумал Ельцин в молодости, а потом ужаснулся и перестроился в демократа. Коммунизм был прекрасной мечтой всего человечества, начиная с первобытных времен, его идеи развивали англичанин Томас Мор, итальянец Кампанелла, немец Бебель...

Но с другой стороны, зная это, могу предостеречь. Слишком уж нетерпелив Кречет, слишком быстро жаждет поднять страну из разрухи на вершину богатства. Но Россия – не Андорра или Монако. Пуп порвется. Хорошо бы у него, а то у России...

Меня прижало к дверце, я увидел знакомый двор. Машина свернула еще раз, меня качнуло, как ваньку-встаньку, в другую сторону, а машина остановилась перед подъездом. Не успел я выкарабкаться, как Мирошник оказался с той стороны и открыл дверцу.

– Это не нужно, – сказал я, морщась. – Я еще в состоянии сам выползти. Пусть не так изячно, как учат манекенщиц...

– Президент говорил о вас с таким уважением, – ухмыльнулся Мирошник. – Так что я просто из природного вежества.

– Ого!

Он вошел со мной в лифт, огляделся, словно искал потайные телекамеры или замаскированные пулеметы. Проводил до самой двери. Я еще не сунул ключ в скважину, а в дверь с той стороны мощно бухнуло. Хрюка не желала знать, что дверь надо сперва открыть, ломилась ко мне самозабвенно, влюбленно, преданно. За спиной хмыкнуло. Шофер президента не одобрял, что дверь заперта даже не на один оборот, а просто на защелку.

– Если забудете номера телефонов, – сказал он на прощанье, – то жмите верхнюю кнопку. Там наша справочная, подскажут.

– Разберусь, – пообещал я.

Едва отворил дверь, Хрюка налетела, как ураган, подпрыгнула, словно просилась на руки, радостно поприветствовала Мирошника. Уже второй раз видит этого человека, значит, друзья навек, такой может в следующий раз вовсе косточку принести...

Коробочка сотового телефона казалась невесомой, почти помещалась в ладони. Закрыв дверь теперь уже на два оборота, я прошел на кухню, привычно зажег газ, поставил на огонь джезvu. Поймал себя на том, что задергиваю шторы, хотя раньше никогда этого не делал. Дом напротив далековат, без мощного бинокля не рассмотреть, размышляю я о судьбах страны, красиво собрав морщины на лбу, или же копаюсь в носу, жутко перекосив харю. Теперь же, как многозначительно сообщил Мирошник, заинтересуются разные структуры. От мафиозных, что везде успевают первыми, до чиновников разного ранга, которым всегда что-то да надо к тому, что уже нахапали.

Кречет прав: другой бы завизжал от счастья. Ходил бы на ушах, падал на спину и дрыгал лапами. Но я точно не буду хапать, я мог бы это делать и раньше, случаи были, но мне нравится моя независимая жизнь, нравится бродить по Интернету, нравится ни от кого не зависеть. Мои работы по футурологии регулярно переводятся за рубежом, даже пятнадцатилетней давности все еще приносят некоторый доход, на безбедную жизнь хватает, а на Гавайских островах я могу побывать и по Интернету, порыться в Библиотеке Конгресса США, тут же заглянуть в Лувр, просмотреть картинную галерею Уффици, быстро пробежать каталог

новых поступлений в Берлинской библиотеке. На хрена мне яхта, когда с комфортом могу поваляться и на уютном диване?

Конечно, меньше всего на свете думал побывать в роли советника президента. Да еще такого! Но... почему нет? Это только маленький человек, будь он грузчиком, инженером или академиком, полагает, что мир двигается как линкор по однажды проложенному курсу... Но еще мудрый Паскаль с горькой иронией сказал, что будь у Клеопатры иная форма носа, карта мира была бы иной. Многие войны начинались по пустякам, капризам, детским обидам, многие страны и народы исчезли не по каким-то историческим законам, как мудро объясняют историки, а опять же – форма носа, косо́й взгляд, один царь у другого бабу увел, третий о ком-то из коронованных балбесов пустил обидный слушок, в результате которого обиженный привел войска, разрушил города, на их месте посеял пшеницу, а народ велел либо изгнать, где те потеряли себя как народ, либо истребил всех выше тележной чеки...

Мир все еще дик, им управляют вожди с дубиной в руке. Теперь их называют президентами, генсеками, канцлерами, но от их настроения, воспитания и привычек зависит слишком многое... Как и от тех, кто их окружает, подает советы.

Зазвонил телефон. Не сотовый, с тем еще надо разбираться, а мой, старенький, хотя и с наворотами вроде определителя и автодозвона. Я выждал до третьего звонка, лишь тогда высвечивается номер звонящего, поднял трубку:

– Алло!

В трубке прогудел добродушный медленный бас, словно заговорил шмель размером со слона:

– Привет, Виктор. Это Леонид. Тебе привет от Фиры. Еще утром прибыли... Я тебе звонил сразу же, но тебя не было.

– До утра никуда не денусь, – ответил я. – Продуктов жена напихала полный холодильник. Даже в магазин не пойду.

В трубке послышались молящие нотки:

– Тогда, может, заглянешь?.. Честно говоря, ты когда заразил меня своим компьютерством, так я и на юге о нем помнил. Только в дверь, сразу за клавиатуру. Включил, а он мне: еггг в файле таком-то! И цифры пишет так это злорадненько, знает, мерзавец, как я их ненавижу. Ты был прав, надо было бэкапчик сотворить...

– Я сейчас зайду, – пообещал я. – Ты на всякий случай рэстартни, а то и перезагрузись по горячему. Бывает, помогает.

Хрюка вертелась, повизгивала, заглядывала в глаза. Я сбросил на чистую дискету пару системных файлов, Хрюка уже пыталась открыть дверь. Пока я захлопывал, она вихрем пронеслась по коридору, влетела на площадку и торопливо вызвала лифт. Знакомые говорили, что собака у меня удивительная, если научилась сама вызывать лифт, но что тут удивительного, если она в течение пяти лет видела, как я всякий раз нажимал одну и ту же кнопку, а она может сделать это еще быстрее, после чего – улица, простор, свобода, другие собаки... а во-вторых, не зря же говорят, что собаки – продолжение их хозяев. У добрых людей и собаки добрые, хоть и бультерьеры, у раздражительных даже пудели кусаются, ну, а я себя скромно отношу к числу умных...

Говорковы жили двумя этажами ниже. Хрюка очень любила бывать в гостях, к тому же полгода тому Леонид завел таксочку Ксюшу, Хрюка обожала ее тискать, мять, валять по дивану и по всей квартире, покрытой толстым ковром.

Леонид открыл, предварительно рассмотрев меня в глазок, Хрюка ворвалась в щель, едва не сшибла с ног, в глубине раздался визг, вопли. Леонид прогудел добродушно:

– Ксюша тоже по ней соскучилась... Слышишь, лижутся!

– Пойдем к компьютеру, – предложил я. – Где он у тебя на этот раз?

В отличие от моей квартира Леонида огромная, заблудиться можно. Компьютеру он постоянно искал подходящие условия, и я всякий раз находил его пентюль на новом месте.

– Если не перебежал за моей спиной на кухню, то в большой комнате, – сообщил он виновато, – мог, конечно, набраться дурных привычек.

Я вытащил дискету:

– Говоришь, еггор?

– Да... То он доставал меня, чтобы я нажал клавишу any key, я искал ее по всей клавиатуре и даже под нею, а теперь придумал новое издевательство...

Я вставил дискету, но файлы сбрасывать не стал, сперва заглянул в win ini. Леонид смотрел на меня такими же глазами, как я сам смотрел совсем недавно на всякого, кто умел включать и выключать эту загадочную штуку с названием, известным нам раньше только по фантастическим романам. Так и есть, он сумел стереть ненужную программку, но она всобачила часть файлов в Windows, там Леонид, естественно, найти их и стереть не умел.

Собаки шумно возились в соседней комнате, изредка заглядывали, проверяли нас, на кухне звякала посуда, затрещали зерна в кофемолке, в нашу комнату потек горьковатый бодрящий запах.

– Вот, – показал я строчку, – видишь? Эти файлы и требовал компьютер. Можно было интернуть пару раз, и все. Загрузился бы как обычно.

– Боялся, – признался Леонид.

– Он просто тебя предупреждал, что таких файлов не находит, а в win ini они почему-то есть!

– А черт его знает, чего вдруг предупредился... Ты извини, что я по такому пустяку.

– Ерунда, – сказал я великодушно. – Знал бы ты, как я сам боялся сперва! Честно говоря, до сих пор видеоманитофон настроить не умею, таймер вечно отключается, в телевизоре только шесть каналов работает, остальные не нахожу, а вот с компьютером как-то сдружился быстрее.

Из кухни раздался веселый голос Фиры. Тут же примчалась Хрюка, начала хватать зубами, тянуть, возмущаться, что не спешим на кухню, там корм дают, такие неповоротливые, и Леонид сказал с восхищением:

– Умная псяка! Все понимает.

– Работает, – сказал я и пояснил: – На обед звать умеет, значит – служит.

– Служебная собака?

– Вот-вот, служебная.

На кухне было светло и чисто, Леонид, как и я, любит яркий свет, в люстре пять лампочек, по широкому столу улыбающаяся Фира расставила на тарелочках десятки крохотных пирожных, бутербродиков, а когда мы расселись, начала разливать душистый кофе. Таксочка кувыркалась на диване, а Хрюка уже сидела возле стола, в черных глазах было нетерпеливое ожидание. Неважно, насколько брюхо набито, важно участвовать в совместной трапезе, чтобы приобщиться к кругу высших существ и попытаться повысить свой ранг в этой стае.

– Как отдыхалось? – спросил я дежурное.

– Покажу, – пообещал Леонид.

Мы быстро проглотили по чашечке, сжевали бутербродики, один перепал Хрюке. Леонид кивнул, мы вышли в комнату, где он снял с полки альбом. Я видел, как Фира заулыбалась.

– Я проявлял там же, – объяснил Леонид. – Запирался в ванной комнатке, сам и печатал... Не доверяю такое ответственное дело. Обязательно испортят!

Он уже лет пятнадцать упорно ездил на юг, но не на какой-то западный или восточный, а в привычную Евпаторию. Открытые границы зарплату не прибавили, скорее – наоборот. Сейчас и на Евпаторию собирал целый год.

В альбоме фото разместить явно не успел, навалено кучей, теперь выбирал и подкладывал мне, соблюдая очередность. Вот в аэропорту, вот на трапе, а вот уже сходят на берег Крыма... Снимал Леонид в самом деле здорово, тут он силен так же, как я в компьютере, хоть оба непрофессионалы.

– Это пропусти, – сказал Леонид великодушно, он знал, как все ненавидят рассматривать семейные альбомы, интересные только для самих хозяев. – И это... Начинай с третьего листа.

ГЛАВА 6

Здесь снимал явно сам, снимок был великолепен. Фира стояла, совершенно обнаженная, у кромки воды. Волна набежала на щиколотки, со спины падал красноватый свет заходящего солнца, волосы и плечи искрились, словно по ним пробежала плазменная молния. Лицо было в тени, но Леонид поставил ее так, что красный свет выхватывал из тени кончики груди, и те вызывающе приковывали все внимание только к себе.

– Здорово! – восхитился я.

– Это что, – сказал Леонид скромно. – Ты дальше смотри.

На кухне снова засвистел кофейник, Фира вышла, слышно было, как звякают чашки. В закатном зареве Леонид сделал еще с полдюжины снимков, все как на подбор, а Фира позировала хоть и раскованно, но помнила, что она – мать пятнадцатилетней дочери: втягивала живот, напрягала мышцы груди, достаточно крупной, чтобы стремиться обвиснуть, как уши спаниеля.

– Ну как? – спросил Леонид горделиво.

Фира внесла поднос с кофе, быстро расставила, улыбаясь, чашки, тарелочки с такими же бутербродами. Щечки ее слегка порозовели, она украдкой заглянула в альбом, пытаясь понять, над каким из ее снимков я раскрыл от восторга рот.

– Здорово, – повторил я. – Просто здорово! Фира, ты просто молодчина. Глядя на тебя, никто не скажет, что у тебя вообще есть дочь. А скажи, что есть и что не в детском садике, а вот-вот замуж, так челюсти отвиснут до пола.

Она благодарно улыбнулась. Через глубокий вырез платья, когда нагибалась, подвигая ко мне кофе, я мог рассмотреть ее трусики. Живот ее все еще сохранил очертания живота нерожавшей женщины, хотя и появились очаровательные складки.

– Леонид достал меня этими снимками, – пожаловалась она, но глаза ее смеялись. – Те деньги, что скопили на фрукты, потратил на пленку.

– Не скажи, – прогудел Леонид весело. – На фрукты хватило. А нащелкал только две катушечки по тридцать шесть кадров.

Дальше Фира была во всех позах: стоя, лежа, сидя, сперва – беленькая, затем постепенно покрывалась загаром, а ее фигура словно бы подтягивалась, грудь стала выше, а в поясе тоньше, будто Леонид изнурял ее наклонами и скручиваниями, но я знал, что оба слишком ленивы, чтобы даже подойти близко к тренажерам.

– Ты мог бы подрабатывать фотографом, – заметил я. – Снимки лучше, чем у рядового профессионала.

Леонид развел руками:

– Если закроют мой НИИ, то что делать...

– А как сейчас?

– Идут разговоры.

– Серьезные?

– Как угадать? Жужжат, волнуются. У нас же узкая специализация, таким в условиях нашего дикого рынка найти работу трудно. Мне что, я могу пойти хоть грузчиком, они и раньше зарабатывали больше, чем я, старший научный сотрудник, доцент, а сейчас и подавно...

– Да, грузчики сейчас нарасхват. Особенно в коммерческие структуры. Подай, привези, поднеси. К тому же постоянные переезды, чтобы легче уйти от налогов, замести следы.

На последних снимках Фира выглядела красивой и загадочной. Снимал ее явно в последний день, на лицо уже легла тень близких рабочих будней, но от этого снимки только

выиграли. По-прежнему голая, Леонид не признавал прозрачных пеньюаров и полуспущенных трусиков, но теперь в ней чувствовался аристократизм, баронское достоинство.

Обнаженная, она сидела под скалой на берегу моря свободно, слегка раздвинув ноги, резкость была ошеломляющей, я мог рассмотреть каждый волосок, даже искорки от оранжевого солнца, крупная грудь от купания в холодной воде напряглась и стояла торчком, вызываясь глядя в объектив красными торчащими, как кончики стрел, сосками.

– Как тебе не хочется в Москву, – заметил я. – Здесь в твоих глазах можно прочесть так много!

Она придвинулась, заглядывая в альбом сбоку. От нее вкусно пахло хорошими недорогими духами и чистым телом.

– На этом?

– Рядом. Да и на этом тоже. Но здесь это видно лучше... А вообще снимки просто великолепные. Но заслуга Леонида только наполовину, а то и меньше. Не надо изощряться, чтобы скрыть либо коровье пузо, либо груди, что больше похоже... уж не скажу, на что.

Она мило улыбнулась, но в глазах промелькнула грусть:

– Увы, в прошлом году я была получше. А что в следующем?

– Ты всегда будешь молодой и красивой, – бодро сказал я положенные слова.

Леонид захлопнул альбом, довольный, как кот, что спер у повара самую крупную рыбу. Фира собрала пустые чашки и тарелки, унесла. Слышно было, как полилась вода.

– Оставь, – крикнул Леонид вдогонку. – Я сам помою!

– Я знаю, как ты моешь, – донеслось из кухни.

– Чисто!

– А помада?

– Я ж мою изнутри, – сказал Леонид обиженно, – а про ободок не помню...

Я чувствовал покой и уют в их квартире. Здесь не говорили о политике, экономике, наркомании или растущей малолетней проституции, а если на экране появлялась модная певица, то слушали ее песни, а не обсуждали, как потолстела и почему носит такие короткие платья.

Я все еще потягивал кофе, наслаждался, когда в прихожей раздался звонок. Фира пошла открывать, там раздалась голоса, звучные поцелуи. Хрюка, сшибая стулья на пути, понеслась, как снаряд, встречать гостей. Леонид развел руками:

– Узнали, что мы вернулись. Ну, придется мне самому приготовить кофе. Да не в джезве, там вроде бы целая толпа...

Я поморщился, вот теперь как раз и пойдет: как такая-то потолстела, подтяжку лица сделала, бесстыжие платья носит, но все же народ к Леониду сходится милый, добрый, такой же непрактичный, крутой только в разговорах, а в жизни до слез беспомощный.

Первым на кухню ввалился Богемов, большой, чернобородый, хохочущий, еще издали раскинул руки:

– Леонид, как я рад, что ты вернулся!.. Здравствуйте, Виктор Александрович. Виктор Александрович, я ничего не могу поделать с той рогатой сволочью, что всякий раз выскакивает из-за угла! Не успею прицелиться, как она бросает гранату и снова прячется! Чем ее вырубить?

Я поинтересовался:

– В каком уровне?

– Да в третьем!

– Все еще? – удивился я. – Ты даешь... Тебе надо сперва послать вперед саперов...

– Да у меня их нет!

– Есть. Еще с прошлого.

– Нет, говорю!.. Или, может быть, такие мелкие, что ходят всегда по трое?

– Они.

– Черт, если бы знал! А то смотрю, ходит какая-то мелочь, а зачем – не понял.

Из комнаты негодующе вскрикнули. Мы обменялись виноватыми усмешками, словно дети, застигнутые за курением родительских сигарет. Сами себя все трое чувствовали членами некоей гонимой секты, вроде баптистов, или нации, вроде евреев, и потому чувствовали друг к другу повышенную симпатию и готовность прийти на помощь. Все остальные, в том числе и Фира, полагают, что компьютерные игры – дело детей, но мы-то знаем, что играми их называют сейчас, пока не придумали более точного названия. Это давно не игры, это искусство более сложное, чем кино, и уже более дорогое... Впрочем, и кинематограф вначале был не больше чем забавной игрушкой для придурков.

В большой комнате уже усаживались в кресла Игнатъев и Белович, добрые и растяпистые интели, Белович даже что-то пописывает и, кажется, опубликовал за свой счет, что дает ему право гордо именовать себя писателем, а напротив на диване устроились две девицы божьего вида, я их вроде бы уже видел, хотя все они на одно лицо, все вот так же перелистывают альбомы по искусству, из кухни снова донесся звон посуды, вкусно запахло ароматным кофе. Не мокро, но все же не черные угольки, что выдают в последнее время за настоящий.

Хрюка разрывалась между кухней, любимым местом всех собак, и гостями. Безобразно толстая, ни на одну выставку не примут, но невероятно прыгучая, веселая и любящая играть, несмотря на свои пять лет, что для собаки вообще-то многовато, ротвейлеры, к примеру, перестают играть уже с года, а она скачет и кувыркается, а на улице только и высматривает, где играют дети, ибо могут и палочку бросать, и наперегонки, и всякие интересные штуки у них в руках и на голове...

Уши ей не обрезал, хотя каждый встречный дурак говорил с видом знатока: надо обрезать, надо! Вид какой-то странный. Не боксер, а охотничья собака. Но мне самому было так удобнее – с торчащими ушами боксер выглядит страшновато, особенно с его выразительной рожей, а когда Хрюка несется навстречу прохожим, хлопая ушами, ей улыбаются еще издали. У людей рефлекс, что с хлопающими по ветру ушами собака не может быть страшной. С длинными ушами – охотничьи. А с купированными по правилам ушами я только и слышал бы истерическое: «Уберите собаку!.. В наморднике надо!.. На поводке!!! Куда смотрит милиция!»

Одна девица, чопорная и манерная, с неудовольствием покосилась на шумную Хрюку:

– Какая толстая и прыгучая... Почему бы вам, с вашей тихой работой... с вашим тишайшим образом жизни, не завести себе, к примеру, кошечку?

– Кошечку? – изумился я. – Почему кошечку?

– Кошки мягче, спокойнее, с ними меньше хлопот.

Я ответил с такой же доброжелательностью:

– Во мне мало рабства. А кошек заводят те, кто предпочитает подчиняться... Все человечество можно разделить на две части: люди энергичные, способные к руководству, заводят собак, хоть какой-то, но все же подчиненный, а слабые и податливые – кошек. Первые в любом коллективе быстро выдвигаются на руководящие должности, а вторые лучше себя чувствуют под рукой сильного, кто берет на себя ответственность...

Она странно посмотрела на меня:

– Но разве у вас не такая работа...

– Я руковожу мирами, – ответил я скромно.

Она улыбнулась, расценивая это как шутку:

– Меня зовут Марина. Я много слышала о вас от Леонида и Фиры.

– Представляю!

– Они так вами восторгаются, что я просто не поверила...

Богемов поглядывал нетерпеливо, готовый под любым предлогом утащить меня на кухню или на балкон, чтобы выпросить секреты прохождения, так называемый солюшен, но на кухне стук ножа по доске, пахнет луком, при женщинах невысказанно заговорить об играх, лучше уж о выпивке, я тоже предпочел бы об играх, чем выслушивать нескончаемый псевдоинтеллектуальный треп о судьбах страны, роли интеллигенции, упадке культуры, разрушении памятников старины...

Белович со вкусом перемывал кости Кречету. Я невольно прислушался. Здесь, как и везде, ожидали, что бравый генерал на выборах наберет от силы десять-пятнадцать процентов, самые оптимистичные называли цифру двадцать, но тот получил шестьдесят восемь, разом сбросив в кювет всех конкурентов и сохранив стране миллиарды рублей повторных выборов.

Теперь страна смотрела на Кречета со страхом и ожиданием. Трясло всех. Начиная от творческой интеллигенции, что до свинячьего визга боится любой сильной руки, и до последних бомжей, что сразу вспомнили недавние законы о тунеядстве, принудработках, санации общества от бродяг и попрошаек. Конечно же, тряслись банкиры и предприниматели, как легальные, так и не совсем.

– А какую команду он с собой приведет, – сказал Игнатъев с отвращением. – Один Кержаков чего стоит!.. Да и этот... Чеканов. От одной фамилии веет смертью. Не то ЧК по уничтожению интеллигенции, не то чека гранаты. Ни одного интеллигента!..

– Ну, Кречет и есть Кречет. Не то держиморда, не то унтер Пришибеев... – согласился Белович. – Меня до судорог пугают такие люди.

Игнатъев покачал головой:

– Да, он груб и прост... Этим пугает интеллигенцию и этим же привлекает простой люд. Но простого люда побольше, их голоса на выборах важнее, чем писк горстки интеллигенции. К тому же последи за ним внимательно. Он ни разу в отличие от бывших правителей не был в церкви... по крайней мере, на экранах я такого не видел, а там то и дело показывают наших правящих подонков, которые десять лет тому истребляли церковь, а теперь смиренно целуют ручку попу, демонстрируя единство партии и церкви... Единственное заявление по поводу религии, которое я слышал от Кречета, что все религии на территории страны равны. Понял? А это уже крамола, ибо наша церковь панически боится конкуренции. Наши попы в народ не идут, как их католические братья, они сидят в церквях на жирных задницах и ждут, что народ придет сам, никуда не денется – остальные церкви и храмы запрещены, окромя православных! Партия большевиков знала, с кого брать пример.

Фира внесла на подносе массу крохотных чашек. Комната наполнилась запахами знойной Сахары. Я отхлебнул, поблагодарил:

– Хорошее кофе.

Рядом победно заулыбались, а Белович не удержался выказать литературную ученость:

– Виктор Александрович, хороший, а не хорошее...

Я отмахнулся:

– По нормам русского языка надо говорить «хорошее». Мало ли что его в старину называли «кофий»!

Они переглянулись, мало ли какие доводы приводит человек, что обмолвился, а я ругнул себя, что пытаюсь объяснить что-либо этим. Можно объяснить слесарю, он поймет и запомнит, но русский интеллигент тем и страшен, что сразу рождается человеком в футляре, достучаться до него почти невозможно. Но люди они хорошие, милые, добрые. С ними легко и просто. И все предсказуемо. Вот сейчас я произнесу «тридцать три»...

– Мне понравилось это новое молоко «Тридцать три коровы»...

В комнату вошел Белович, услышал, громко провозгласил, любуясь своей эрудицией:

– Возраст Христа!

Богемов поперхнулся, метнул на меня сердитый взгляд. Похоже, он и даже Леонид готов был сморозить эту глупость, когда возраст Христа прилагается автоматически к любым двум тройкам, будь это тридцать три несчастья или тридцать три богатыря Черномора. Я посмотрел укоризненно, он виновато развел руками.

ГЛАВА 7

– Ты слышал последние новости? – спросил он, стараясь быстрее уйти с испачканного места. – В Думе проталкивают в главы правительства Кондрата Красивого!

– Вот и прекрасно, – воскликнула с энтузиазмом девица, которая, помнится, назвалась Мариной. А раз Марина, то можно без паспорта определить ее возраст: у нас есть года, когда все Саши да Димы, есть года Марин, даже есть год Анастасии. – Это самый интеллигентный человек! Когда он говорит, чувствуется настоящая культура русского интеллигента. Как хорошо, если бы он прошел...

– Коммунисты не дадут, – сказал Белович.

– Это уж точно!

– Да и эти, националисты...

– А военные?

Я ощутил тоскливую безнадежность. Эти хорошие добрые люди не могут связать два факта... что всю жизнь лежат у них на столе. Жуткую шпиономанию... поиск всюду врага... и книги Красивого... будь это «Зелимхан и его отряд» или «Доля горниста»... которыми нас пичкали с детства... его подлейшие рассказы о революции и Гражданской войне. Павлик Морозов... значит... уже маленький мерзавец... а кто же двое пацанов из «ВЧК»... с их обостренным классовым чутьем? Где больше шпиономании и призыва искать врага всюду... как не в «Доле горниста»... где пионер ловит западного шпиона? Где больше воспевается милитаризм... чем в «Зелимхане и его отряде»? Кто обосновывал казни и расстрелы в литературных произведениях... призывал и дальше искать и находить врагов народа?.. Да и странновато само благородство зелимхановцев, которые помогли семьям тех, кто охранял лагеря с брошенными туда писателями, художниками, композиторами, а не семьям этих несчастных оклеветанных людей...

Богемов обратил горящий и вместе с тем беспомощный взор на меня. Я развел руками, внезапно чувствуя себя старым и усталым.

– Кондрат Красивый, – повторил я. – Как жаль, что это не его фамилия.

– Как... не фамилия? – спросила Марина неверяще. А потом посмотрела на меня презрительно и враждебно. – Вы хотите сказать, что его настоящая фамилия Коган или Рабинович? Ну и что? Только фашисты...

– Да нет, – пояснил я мирно, – просто кто бы знал политика с простой фамилией Кондрат Гапонов? Пришлось бы пробиваться своими силами. А так сперва сыну Авдея Красивого была обеспечена ковровая дорожка в адмиралы... даже в члены Союза писателей СССР... позор!.. а затем и внуку. Естественно... обеспечивал тот... кто устраивал и руководил массовыми казнями в 37-м... свой все-таки.

Марина покачала головой, ее глаза блеснули таким гневом, словно я высморкался в ризу митрополита:

– Я не верю ни единому слову.

– Да... конечно...

– Чему вы смеетесь? – спросила она враждебно.

– Да так... Такой подлейший трюк мог прийти в голову только современному политику. Когда Якова Сталина в немецком плену спросили: «Ты Яков Сталин?»... он ответил: «Я Яков Джугашвили». Дети Максима Горького тоже сохранили фамилию Пешковых... хотя в те годы можно бы из родства с великим пролетарским писателем выжать немало. Да ладно... забудь...

Богемов поворачивался посреди комнаты, как зверь в клетке. Глаза полезли на лоб:

– Вы что, с дуба рухнули? Да как вы можете?.. Этот свиномордый... Да большего мерзавца на всем белом свете поискать! Когда я слышу, как его расхваливает та самая интеллигенция, которую он расстреливал в том страшном тридцать седьмом...

– Он?

– Его дед! Он воспевал эти расстрелы! Он обосновывал их, он подталкивал к ним! Были расстреляны лучшие писатели, других сгноили в лагерях, а он выпускал книгу за книгой, его издавали массовыми тиражами, ввели в школьные программы.

Она прервала враждебно:

– А при чем тут Кондрат Красивый? Я и сейчас готова ради него идти на любой митинг!

– Он интеллигент!

– Умница!

– А как говорит?

Богемов разъяренно шипел, размахивал руками, дважды подхватывал на лету слетавшие с носа очки. Завопил:

– Но скажите тогда... скажите! Почему в те страшные годы репрессий были запрещены произведения замечательнейших русских писателей, да и зарубежных тоже, а книгами Красивого пропаганда нас заваливала с головой? В школьной программе Красивый стоял выше Толстого и Пушкина, его заставляли заучивать наизусть!

Игнатьев пожал плечами:

– Ну, это понятно.

– Так вот, своему сыну Авдей Гапонов, писатель, постелил ковровую дорожку. Кто же откажет сыну такого... такого писателя! Но мало того, сын был уже сыном своего времени. Мало того, что его имя Зелимхан, но на всякий случай, вдруг кто сразу не узнает, что Зелимхан Гапонов сын того самого правительственного писателя, он предпочел взять... литературный псевдоним отца себе в качестве фамилии!.. Это все равно, как если бы вон Леонид надел на грудь табличку с надписью «Сын шефа!» и ходил по фирме... Конечно же, Зелимхан Красивый ко всем своим должностям стал и членом Союза писателей СССР. Как стали ими герои-летчики Покрышкин и Кожедуб, Леонид Брежнев, знатные доярки, учившие, как доить и как петь в опере...

Игнатьев поморщился:

– Да ладно тебе... Все, у кого была власть, в то гнилое время становились членами Союза писателей. Даже секретари райкомов партии.

– А сын Зелимхана Гапонова, то бишь Зелимхана Красивого, с помощью... а как же?.. пошел в доброе советское время еще дальше. А когда пришло время перемен, то он взлетел на самый верх. От дедова псевдонима вместо фамилии отказаться даже не подумал, как же, если вывел наверх? Тем более что у тайных рычагов по-прежнему те, кому важна и шпиономания, и прежние поиски врага, и милитаризм. Но мне другое дико... Страна, даже интеллигенция до такой степени сподличилась, что даже не замечает этого подлейшего приема.

– Ну, в память отца... то бишь деда, взял его псевдоним...

– Вот если бы взял в память о замученном в лагерях отце, о расстрелянных в те же воспетые Красивым тридцать седьмые, это благородно, ибо опасно было признаваться в родстве с врагами народа. Но он взял тот псевдоним, который расчистит дорожку наверх! И никто из нашей интеллигенции и не заикнулся о таком чудовищном... чудовищном... я просто не найду слов!

Игнатьев сказал задумчиво:

– А может, кто и заикнулся. Но тут же его нашли на дне Москвы-реки. А то и вовсе не нашли. Человек, который так действует... это уже, знаете ли...

Марина смотрела растерянно. Красивая интеллигентная женщина, но все же живущая по готовым алгоритмам. А таким лапшу на уши вешать легче, чем простому слесарю.

Игнатъев сказал:

– Понятно, почему на заре перестройки так внезапно прекратилось разоблачение отцов-писателей!

– Отцов?

– Отцов, основоположников, – пояснил он. – Максима Горького, Маяковского... Помните, как их низвергали? Еще чуть-чуть – и взялись бы за Красивого. Но наш Кондрат Зелимханович тогда был в самой силе, на самом верху! Чуть ниже президента, но тот пил да по бабам, а этот разом прекратил всякие разоблачения... в литературе... Я не сторонник Сталина, вы знаете. Но вот один момент, который показывает разницу между политиками тех лет и политиками нынешними... Когда сын Сталина попал в плен, он не стал кричать, чей он отпрыск и чтобы выгодно выменяли. Более того, он гордо называл себя Яковом Джугашвили, для неграмотных объясняю, что это фамилия Сталина, а само «Сталин» – партийный псевдоним. И когда сами немцы предложили Сталину обменять его сына на взятого в плен под Сталинградом Паулюса, Сталин после тяжелой паузы ответил: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю». И Яков, сын Сталина, был расстрелян вместе с другими русскими солдатами...

Наступила долгая пауза. Марина отвела глаза, а Белович опустил голову. Мои брови сами полезли вверх. На лице Богемова тоже было несказанное изумление. Оказывается, нашу полуинтеллигенцию можно переубедить. Теперь возьмут на вооружение, начнут искать и находить у Кондрата Красивого даже те грехи, которых и не было. Хоть и интеллигенты, но все же русские души, а мы ни в чем не знаем меры.

Из соседней комнаты раздался вопль:

– Все сюда!.. Да скорее же!

Не сказать, что стремглав, но поспешно начали стягиваться в большую комнату, где был установлен телевизор с экраном в метр с чем-то. Леонид называл его проекционным.

Я ощутил, что и я уставился на экран как на чудо. Когда уходил, шла длинная месса... или как ее там, словом, прямая передача из Елоховского собора очередного церковного праздника, что росли как грибы. Пышные одежды, монотонное гудение множества голосов, приглушенный свет свечей...

Сейчас же на экране был... мусульманский мулла. Тихо и очень осторожно подбирая слова, он поздравлял всех россиян с традиционным праздником мусульман, праздником мира, дружбы и мудрости.

Вокруг меня лица багровели. Кто-то засопел шумно, за спиной злой голос пробормотал ругательство, которого постыдились бы грузчики харьковских заводов.

– Во обнаглели! – проговорил кто-то со сдержанной яростью. Я оглянулся, с грустью понял, что это Богемов. – Во заразы... Уже и в нашей стране свое на уши вешают!

– Татары! – сказал Игнатъев.

– Как есть татары.

– Да что там... и среди татар попадаются люди. А это и того хуже – мусульмане!

– Враги!

Женщины молчали, но по их лицам я читал сдержанное неодобрение как попустительства власти, Восток наступает, так и чрезмерно эмоциональной реакции гостей.

Речь муллы была краткой в отличие от длинных поучений православных священников, уверенных не просто в поддержке власти, а в том, что отныне они сами власть, пришедшая на смену коммунистической партии, сохранившая все ту же структуру, кадры и методы. Но, прощаясь, мулла произнес фразу, после которой заволновались и те, сдержанные:

– ...отныне мы будем встречаться раз в неделю. Мир вам!

Рядом со мной Белович ахнул:

– Да как же... как же это кощунство допустимо в нашей православной Руси? Чтобы наш исконный враг попирает милые сердцу святыни...

Он обернулся за поддержкой ко мне. Взор его был чист, светел, исполнен благородства. Я в замешательстве развел руками, попытался выдавить улыбку:

– Я не все расслышал. Мне показалось, что он не призывал к резне...

Белович с великим возмущением отшатнулся:

– Да при чем здесь война! Он мусульманин!!!

– Да, – согласился я, все еще не мог смотреть в честные ясные глаза, – но, как я слышал, у нас свобода религии...

Белович задохнулся от возмущения, а Игнатъев вклинился в разговор, сказал знающе:

– Это все Чечня проклятая!.. Наворовала у нас денег, а теперь на наши же деньги у нас свою поганскую веру пытается навязать.

– Да вроде не чеченец, – усомнился я. – Я прочел, там была надпись внизу. Он преподает ислам в университете!

– У них и университеты есть?

– В нашем университете, – пояснил я с усмешкой.

– Неужели такую гадость преподают в университете?

– Ну, образование...

Марина перехватила мой взгляд, спохватилась, включила проигрыватель. Помещение наполнила бодрая и вместе с тем томная музыка. Вторая девушка, пора бы запомнить ее имя, сразу же вскочила танцевать, потащила с собой Игнатъева.

Все же танцевали вяло, чересчур все умные, начитанные. Марина выгибалась так и эдак, наконец заявила:

– Что-то скучновато стало!

Ее полные бедра ходили из стороны в сторону в завораживающем ритме. Потом она замедленными движениями взялась за низ тонкой блузки, начала поднимать, оголяя крепкий загорелый живот.

Леонид сделал музыку громче, кровавые шарики помчались быстрее. Марина мучительно медленно, не прекращая танца, поднимала блузку, мы все видели, что лифчик не носит, хотя грудь крупная, тяжелая, наконец блеснула полоска белой кожи, показалась округлость...

Игнатъев со второй девушкой еще танцевали, а Белович и Фира отошли в сторону, чуть двигались в такт музыке, но смотрели только на Марину. Разговоры в комнате примолкли, один лишь Богемов с жаром доказывал Леониду, какой мерзавец этот Кондрат Красивый, на Марину поглядывал искоса, не замечая, что она наконец подняла блузку над головой и отбросила в сторону.

Леонид и все мы захлопали, а Марина затанцевала быстрее, красиво и ритмично двигаясь всем телом. Грудь ходила ходуном, коричневые кружки покраснели, а соски вытянулись и стали похожими на раскаленные пули.

– Молодец Марина, – шепнула Фира, – всегда чувствует, когда начинает холодать.

Игнатъев и его девушка танцевали рядом с Мариной, поглядывали подбадривающе. Она хитро улыбнулась, ее пальцы пробежали по поясу юбочки, отпрыгнули, словно испугавшись, снова коснулись, наконец, будто решившись, она растянула пояс... снова застегнула, мы начали хлопать, наконец быстро и ловко, не прерывая танца, сбросила юбку и осталась танцевать в одних трусиках.

Она была хороша, красивая и располневшая самую малость, что нисколько не портило. Шаловливо поглядывая на нас, ухитрилась сбросить и трусики, не прерывая танца, дальше двигалась быстро, с упоением, свободная от одежды.

Вторая чуть отодвинулась от Игнатъева, сбросила блузку, затем лифчик и дальше танцевала с открытой грудью, дразняще глядя на него большими озорными глазами.

Мы хлопали и шумно восторгались как их раскованностью, так и фигурами, умением держаться, Леонид принес с кухни поднос с горой бутербродов, чтобы не прерывать веселья. Когда музыка сменилась, женщины со смехом повалились на диван, делая вид, что умирают от изнеможения. Марина поискала трусики, но Богемов спрятал, в конце концов она махнула рукой: и так жарко.

Похоже, один Белович все не мог прийти в себя от ошеломляющего выступления муллы и, когда снова добрался до кресла, сперва выпил кофе, сжевал пару бутербродов, после чего его крупное лицо с новой силой вспыхнуло праведным гневом:

– Нет! Святая матушка Русь не позволит глумиться над собой... до такой степени! Всякие там макдоналдсы заполонили нашу Русь, а тут еще и татары?

Богемов неожиданно хихикнул. Это было так неожиданно, что все взоры обратились в его сторону. Чуть смутившись, пояснил с виноватой усмешкой:

– Я просто подумал... представил, как схлестнулись бы эти исламисты с этими макдоналдсами. Они их ненавидят пуще нас. И в свои страны не допускают!

Белович заявил яростно:

– Без черных справимся! У Святой матушки Руси достаточно сил и правды, чтобы одолеть как западную нечисть, так и эту... исламскую!

И хотя все понимали, что западную не одолеть, уже проиграли, та пляшет на их поле, но согласно загудели, поглядывали друг на друга с победным видом. Мол, ничего, русские медленно запрягают, зато быстро ездят.

Я видел, что на меня поглядывают, звание ученого международного класса обязывает, хоть и презирают за пристрастие к компьютерным играм.

– Свобода немыслима без веротерпимости, – сказал я. – А мы опять: запрещать, не допускать... Разве еще не дозапрещались?

Белович сказал яростно:

– Напротив!.. Возрождение Руси нужно начинать не с веротерпимости, а напротив-с, напротив!.. Русь была сильна единой верой! Единобожием!

И самодержавием, добавил про себя я. Как потом сильна была единой партией, что не допускала других партий, не позволяла пискнуть оппозиции. Одна страна, одна вера, один государь... Царь, генсек, президент, владыка... При всеобщем развале только церковь сохранила кадры, структуру, фонды, а теперь спешно укрепляется. С помощью власти, разумеется. Рука руку моет. Мы тебе десяток храмов на самом видном месте, а ты погромче: вся власть от бога, бунтовать и забастовки устраивать – грешно, это пойти супротив самого бога, так что остерегитесь, рабы...

На меня поглядывали все чаще. Что я – советник президента, к счастью, еще не знают, но что я занимаюсь прогнозированием будущего, наслышаны.

Я развел руками, чувствуя полную беспомощность, такую унижительную для мужчины любого возраста:

– Страшновато такое говорить, особенно в наше время надежд на демократию, но все же правление большинства, т.е. демократия, – это гибель культуры, гибель науки. Да что там культура, наука! Это гибель всей цивилизации. Большинство – это так называемый простой народ, а всякие там ученые, писатели, вообще интеллигенция – в меньшинстве. Если же поставить на референдум вопросы: нужна ли нам звездная астрономия или же те деньги направить на огороды, стоит ли выделять деньги на новый синхрофазотрон или же купить каждому жителю России по бутылке водки... и таких вопросов наберется множество, то ясно, каков будет ответ большинства. Тем и страшен Кречет, что его избрал простой народ. А он пообещал выполнять волю народа.

В гробовой тишине Марина, покрывшись пупырышками, спросила жалобно:

– А как же другие?

– Другие что?

– В Штатах, к примеру... Страны западной демократии! Там культура живет...

Ответить не успел, Богемов обвиняюще ткнул пальцем в ее прелестный голый животик:

– А ну-ка назовите... ну, хотя бы художников, эти нам ближе всех. Ну-ну!

– Пикассо, Доре, – начала перечислять она с удовольствием, даже пальцы загибала прилежно, как школьница. – Моне...

Богемов слушал, мы все слушали, потом прервал:

– Прекрасно. Два десятка гениев! И все из прошлого. А где нынешние?.. Создают пышные декорации для порнофильмов? Рисуют обложки для «Плейбоя», рекламные этикетки и буклеты? Почему у них сейчас нет художников?

ГЛАВА 8

Когда я собрался спать, было за полночь. Хрюка, как обычно, лежала на постели, спала. Я осторожно взял на руки, стараясь не разбудить, перенес на ее кресло и бережно укрыл одеялом. И лишь когда подоткнул с боков, чтобы не дуло от форточки, засмеялся своей глупости: это же собака! Просто собака. Пусть любимая. Но ей достаточно сказать: место! И она мигом очутится, где ей положено быть. Это не на тряпочке в прихожей, а в добротном старом кресле.

До чего же в нас заложен инстинкт заботы! Точно так же переносил засыпающих детей в их кровати, укрывал одеялом... Но дети выросли, сами укрывают своих детей, а потребность заботиться осталась, и вот я с собакой проделываю все то же, что когда-то с детьми. Кормлю, поучаю, чищу уши, мою лапы, подстригаю ногти, даю витамины...

И еще инстинкт, мелькнуло в голове, проявляющийся, увы, не у всех, инстинкт сохранения племени. Враждебность ко всякому, кто, как мне кажется, угрожает моему роду, племени, народу, государству. Вся страна ненавидела банду коммунистов, что захватила власть и вела могучую Россию к упадку, с надеждой и любовью смотрела на Америку, где свобода, где все хорошо и справедливо... Но вот коммунизм рухнул, а Америка сбросила маску, придвигая к нашим границам свое НАТО!

При чем здесь коммунист, либерал или консерватор? Это проявление здорового инстинкта здорового человека. Так же, как укрывал одеялом спящих детей, так же не хочу допустить продвижения НАТО к нашим границам. И когда, помню, сынишка рассказывал, как его обидели в школе, у меня от ярости мутилось в голове, готов был мчаться туда и убивать всех учителей и хулиганов, так и сейчас шерсть вздымается на загривке, а из горла рвется глухое рычание, когда слышу, как враждебный России военный союз придвигается вплотную к нашим границам.

Здесь все на уровне основного инстинкта выживания. Выживания рода, племени. Никакие уверения в мирности не помогут, если я каждый день буду видеть нацеленный на себя автомат в руках чужого человека. Когда иду на работу, играю на компьютере, смотрю кино, гуляю с собакой...

Заснул чуть ли не под утро. Во сне блуждал по длинным страшным коридорам власти, над головой летали огромные летучие мыши, черные и мохнатые, я прятался в ниши, а ноги почему-то не двигались.

Впервые проснулся раньше Хрюки. Вывел, погулял, долго уговаривал, чтобы она все сделала, а Хрюка все ссылалась на свой режим, но все-таки сжалилась, сгорбилась, как кенгуру, в это время смотрит всегда так укоризненно, я дал за труд фролик, но все равно, когда вернулись, на часах все еще было раннее утро.

Опять же впервые за последние пять-десять лет я одевался долго, рассматривал себя в зеркало. Строгий костюм сразу отверг, чиновники умеют их носить лучше, сразу почувствую себя самозванцем, что-то среднее бы...

Озлившись, вот уже начинается конформизм, я напялил джинсы и джинсовую рубашку. Обещана жара, так что заранее закатал рукава выше локтей, расстегнул сразу две верхние пуговицы.

Перед дверью стоял с колотящимся сердцем минут десять, но, когда в коридоре послышались шаги, отбежал на цыпочках, дождался звонка, прошел обратно неспешно, отворил.

На площадке стоял молодой крепкий парень, похожий на сержанта командос, которого на часок переделали в гражданское.

– Виктор Александрович, – сказал он чистым, светлым, как родниковая вода, голосом, – меня зовут Володя, я теперь ваш шофер и телохранитель. Машина у подъезда, вы должны перезвонить начальнику охраны президента и проверить...

– Вряд ли мною кто-то уже заинтересовался, – буркнул я. Сердце колотилось, рубашка подпрыгивала, и, чтобы этот шофер не заметил мое волнение, я шевелился, пожимал плечами, шарил по карманам в поисках ключей.

– Все-таки полагается проверять, – сказал он укоризненно.

Хрюка протиснулась в щель. Я заметил, как побелел и напрягся этот бравый шофер-десантник. По опыту знаю, что таких собак больше всего страшатся не простые прохожие, а вот такие крутые накачанные парни. Они в отличие от мирных жителей знают, на что способны такие собаки.

– Хрюка, домой, – сказал я поспешно. – Охраняй!

Шофер вздохнул с явным облегчением, когда дверь отгородила его от страшной собаки с такими зубами и челюстями, способными перехватывать толстые кости, словно соломинки.

Уже в лифте он напомнил мне еще раз, видимо, считая ученых смешными недоумками с потерей памяти, что отныне и авто, и он сам закреплены за мной. Его зовут Володей, просто Володей, он мой шофер и одновременно – телохранитель. Я подивился, кому понадобится мое тело, но Володя возразил, что если тело и ни к черту, мне виднее, то мозги у меня, по слухам, чего-то да стоят. Так что его можно определить рангом выше, как мозгохранителя. А тела пусть охраняют у тех, у кого с мозгами слабовато или кто больше спинным мозгом перебивается.

У президентов всяких, закончил я его озорную мысль. Парень остер на язык, быстр, как ящерица, полон молодой силы, весь перекачивается, как ртуть. И дверцу передо мной распахнул без всякого подобострастия, а как молодой, полный сил человек перед тем, кто старше и умнее.

Итак, простая черная «Волга», с наворотами вроде встроенного компьютера, факса, телевизора, сложной системы связи с любой точкой земного шара. На мой взгляд, многое устарело, был бы компьютер, а через него и так свяжусь с любой точкой, где есть компьютер или хотя бы телефон. Пусть даже такой, которым пользовались Ленин и батько Махно.

Я с нежностью косился на лаптоп, или, как теперь говорят, ноутбук: пентюх-двухсотка, активная матрица, винчестер на два гига, модем двадцать шесть тысяч, встроенный джаз, а я был бы рад и зипу. По крайней мере, смогу таскать на гиговой дискете джаза «Starcraft-2» в полном объеме...

Я даже огляделся по сторонам с неловкостью. Подслушал бы кто-нибудь, как собираюсь применять чудо техники... До чего же непросто начинать работу от и до, а не тогда, когда изволится. Мысль барахтается вяло, все пытается свернуть на игру, на работу с тем, что само всплывает из подсознания...

Володя вел машину артистически, рискованно проскакивал мимо «мерсов» и «Саабов», что прут в полной уверенности, что им уступят, обгонял, нарушал, быстрая езда ему нравилась, а я посматривал с любопытством как на него, так и на машину.

У нас когда-то был старенький автомобиль. Приятель продавал по смехотворной цене, жена настояла на покупке, помню кошмарные дни, когда учился ездить, а кончилось тем, что за руль садилась только жена. Но и ее замучили постоянные ремонты, и в конце концов у меня осталось только смутное воспоминание, какая педаль тормоз, а какая газ.

Сейчас смотрел с любопытством, здесь тоже нашпиговано компьютерами, а с ними дружу, у меня следит за квартирой, а тут наверняка умеет не только присматривать за экономным расходом топлива и тормозами.

Володя перехватил мой взгляд, объяснил словоохотливо:

– Здесь, кроме базовой программы, есть и добавочные функции... Наши умельцы постарались. Кто от хорошего настроения, кто от желания себя показать, а кто и на спор, что сумеет.

– Так что же программа умеет?

Володя с неловкостью пожал плечами:

– Честно говоря, еще не знаю. Это холодильники, какие были двадцать лет назад, такие и сейчас. А за компьютерами не угнаться! А программы так вовсе каждый месяц новые...

– Я бы угнался, – сообщил я.

Он покосился на меня с удивлением:

– Вы?

– А что, – возразил я, – что во мне не так? Ни очков, ни бороды?

Я пришел первым, не считая секретаря Марину. Поздоровался, сел тихонько в просторной, как банкетный зал, приемной, Марина улыбнулась ободряюще. Глаза ее не отрывались от компьютера, но я уловил ее короткий взгляд, вроде бы скользящий, так ли одет для встречи с президентом, но осталось ощущение, что могу теперь спрашивать, глядя в это милое личико, как там у меня с почками, нет ли уплотнений в легких и скоро ли наступит простатит, обязательная болезнь, как пишут, для всех мужчин.

Дверь со стороны анфилады холлов была распахнута. К нам иногда заглядывали, я всякий раз ловил на себе профессионально ощупывающие взгляды.

Наконец боком вдвинулся грузный Краснохарев. Главой правительства он не выглядел, во всяком случае, сейчас. На его слегка обрюзгшем лице просматривалась глубоко спрятанная тоска по тому времени, когда был главой Сибгаза, когда в его великолепную работу технаря и организатора не примешивалась ни подлейшая политика, ни всякие подводные течения, когда мог во всем блеске развивать свою отрасль, к изумлению всех подавив на мировом рынке отчаянное сопротивление Рургаза и баварских магнатов, а когда пришла пора реформ, первым в стране перестроил всю отрасль на новые отношения. Но, на его беду, призвали в премьер-министры, где сменил позера и политика, доведшего страну до краха, но ухитрившегося остаться в глазах полуинтеллигенции героем реформ.

Он сел за два стула от меня. В мою сторону даже не взглянул: ни враждебно, ни безразлично. В глазах были тоска и желание, чтобы поскорее все кончилось, а его отпустили восвояси. Обрато в Сибирь.

Через пару минут шумно вошел Яузов, министр обороны. Краснорожий, грузный, морда ящиком, глаза тупые, сонные. Когда Марина встала, чтобы снять с полки зип, он оценивающе оглядел ее с головы до ног, неспешно раздел взглядом, так же неспешно одел и лишь тогда произнес рокошущим басом:

– Леночка, ты бы нам кофейку покрепче... А мне, ты знаешь, не ваши наперстки, а мой стакан.

Она кисло улыбнулась, вояка никак не запомнит ее имени, для него все секретари – Леночки, но спорить бесполезно, что возьмешь с меднолобого, унтер Пришибеев рядом с ним покажется Маканиным, а я проводил его долгим взглядом, пытаюсь понять, чего ждать от генерала, что всем своим видом дает понять, что всего лишь тупой вояка, исполнитель, в политику не лезет, депутатские бредни не понимает и презирает, любит крепкую водку и толстых девок. Но я пару лет тому случайно наткнулся на него в Союзе писателей, он зашел по поводу своего друга-ветерана, его окружили члены секции военно-патриотической книги, начались разговоры, я невольно прислушался, ожидая генеральских глупостей, но этот красномордый отвечал быстро, не прислушиваясь к словам, грамотно строил фразы, и на лицах собравшихся я заметил некоторое разочарование.

Этот эпизод так бы и забылся, но генерала затащили в зал, уговорили выступить. И тут я увидел, как на трибуну взошел настоящий генерал: квадратномордый, презирающий штатских в зале, а когда заговорил властным и таким начальственным голосом, что я возненавидел бы армию, если бы уже не ненавидел, – в его речи не было фразы, где не перепутал бы ударения или глагольные формы.

Не сразу по голове стукнуло: а кому нужен министр обороны, который знает поэзию, декламирует Гумилева и Киплинга, наизусть знает всего Симонова? Такой, того гляди, от поэзии еще и к политике перейдет.

Я сидел смиренно, хотя должен был либо распластаться от почтения, как-никак одни правители, либо повизгивать от восторга, что удостоился. Но я помнил, что правителей забывают, а помнят творцов, я себя без ложной скромности относил к творцам. К тому же эти вершители судеб выглядят как побитые собаки.

Вошел высокий мужчина, плотно сбитый, моложавый, еще не грузный, в котором я, к великому изумлению, узнал Усачева. Главный разоритель страны, как его называли, самый ненавидимый простым народом, он был мишенью для всех кандидатов хоть в президенты, хоть в губернаторы, хоть в секретари сельсовета, всякий обещал, что, придя к власти, обязательно разделается с этим мерзавцем.

Сейчас он, как и Краснохарев, держался с подчеркнутой независимостью. В команде президента не быть, ясно, а что миллионы долларов на счетах в швейцарских банках... что ж, швейцары тайны хранить умеют.

Он расстегнул воротник, ослабил галстук. Я, напротив, ежился. За стеклами ветерок погнал облако пыли, в синем небе уже повисло не по-весеннему знойное солнце, но здесь прохладно, воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка, так сказал бы Тургенев, но теперь от ребенка пахнет такой жуткой смесью импортных шампуней, мыла с добавками, лосьонами и кремами, что чистота и свежесть какие-то не совсем натуральные.

Вслед за Усачевым ослабил галстук и Краснохарев, но расстегнуть рубашку не посмел: чиновник до кончика ногтей. Я демонстративно расстегнул рубашку чуть ли не до пояса, подвернул рукава до самых плеч. Не потому, что жарко, просто захотелось по-детски как-то утвердиться, показать если не интеллектуальную мощь, то хотя бы независимость, это проще.

Приемная постепенно заполнялась людом. Все как один откормленные, огромные, неповоротливые, как носороги, хотя это я зря о носорогах, те как раз быстрые звери, а эти слова лишнего не скажут, чтобы десять раз не прокатать в голове со всех сторон: не ляпнуть бы что такое, что тут же подхватит подлая рать газетчиков, имиджу урон...

Разве что Коган, министр финансов, не так грузен, но и он двигается, словно плавает в плотной воде, а когда поворачивается, то заранее надевает довольную улыбку: вдруг да какая тварь с фотоаппаратом заснимет угрюмую рожу, это же падение акций на всех мировых биржах!

Последним явился Забайкалов, министр иностранных дел. Грузный и очень медленный в движениях и словах, чем-то похожий на старого филина, глаза заплывшие, словно от постоянных пьянок, но мозг, как я чувствовал, работает со скоростью графической станции. Это настоящий политик, при нарочито замедленной речи успевает продумать сотни вариантов ответов на вопросы, выбирает безошибочно лучший.

Постепенно народу набралось больше, чем стульев. Трое делали вид, что рассматривают картины на стенах. Я украдкой посматривал на собравшихся. Некоторых знал по фото в газетах, слышал интервью по телевидению. Все держатся настороженно, поглядывают друг на друга искоса, украдкой, еще не зная расстановку сил, не желая связывать себя никакими нитями.

У Краснохарева вид все несчастнее. Если многие из собравшихся активно участвовали в выборах против Кречета, то он и вовсе баллотировался на пост президента...

На том конце приемной, как раз напротив меня, сидел Яузov. От его красной, будто натертой кирпичом, рожи несло откровенной неприязнью ко всем штатским, что бесцельно слоняются по комнате, вместо того чтобы маршировать, и особенно ко мне, единственному, кто явился не в костюме и галстуке, а в джинсе. Пусть чистой и аккуратной, но все же...

Плевать, ответил я ему взглядом. Я сюда не напрашивался. Если меня вышибут, вернусь к своей научной работе. А если вышибут тебя...

Он грозно хрюкнул, мясистое лицо налилось темной кровью так, что едва не брызгала из всех пор. Водянистые глаза уставились на дверь кабинета.

На столе Марины звякнуло. Судя по бликам на ее лице, на дисплее сменилось изображение. Она вскинула глаза на всех разом, никого не выделяя:

– Господин президент просит вас в кабинет.

Даже голос ее был ровным, бесцветным, подчеркнuto нейтральным. Заскрипели стулья, министры поднимались тяжело, приемная наполнилась хрустом коленных суставов, хриплым дыханием.

Перед дверью наступила понятная минута замешательства, но в любой группе всегда находится лидер, Яузov грузно направился к двери. Остальные, как гуси на водопой, потянулись следом, сталкиваясь и застревая в узком проходе. Дивясь собственной смелости, я поднял руку, стукнул по крючку. Вторая створка распахнулась, хотя по эту сторону уже остался я один.

Мне показалось, что Кречет слегка улыбнулся. Собравшиеся смотрели на него выжидательно. Он сделал широкий жест:

– Прошу садиться.

ГЛАВА 9

Все сели, стараясь не смотреть друг на друга. Настоящие политики. Когда неизвестно, кто останется, а кого вышибут, опасно даже взглядом выказать расположение или даже узнавание друг друга.

Кречет прошелся по кабинету. Язов дергался, порываясь вскочить, не мог сидеть в присутствии президента, что по Конституции являлся и главнокомандующим. Остальные сидели чинно, преданно смотрели в грозное лицо генерала, ставшего президентом.

Кречет оглядел всех исподлобья. Чему-то хмыкнул, не заговорил, а почти прорычал:

– Итак, позвольте представиться: президент Кречет. Платон Тарасович. Зачем я вас пригласил?.. Дело в том, что в администрации президента, как и в правительстве, были люди, которые служили своему карману, таких везде большинство, находились такие, что служили президенту, а были и такие, которые служили Отечеству. Если не всем нравится это определение, вон Когана перекосило, тогда скажем – стране, народу, человечеству, цивилизации. Челядь мне ни к чему, сам себе шнурки завязываю, так что в этой комнате прошу остаться тех, кто будет работать так, что пар пойдет из задницы.

Никто не шелохнулся, не произнес ни слова, но я ощутил нечто, что прокатилось по кабинету и осталось. Кречет прошелся по кабинету вдоль карты, я мгновенно вообразил его с трубкой в руке, одел в китель и дорисовал усы.

Он бросил на меня быстрый цепкий взгляд, уловил мою едва заметную усмешку. Министры начали переглядываться.

– Итак, – проговорил Кречет все тем же неприятным голосом, – как видите, я не привел своей команды. У меня ее просто нет. Победил я, опираясь на волю народа, а не на умело спланированную предвыборную кампанию, которую провели мои помощники... и которые станут правительством. Я готов работать с вами. Конечно, с теми, чьи предложения покажутся дельными.

Среди собравшихся пронесся едва слышный шумок. Никто не двинул и мускулом, это был шумок от бешено работающих мозгов, когда каждый старается уловить, что хочет услышать всесильный генерал, и тут же подать ему на блюдечке с голубой каемочкой.

Краснохарев, тяжелый и еще больше погрузневший, проговорил осторожно:

– Платон Тарасович, не обессудьте, но по правилам я подаю в отставку вместе со всем кабинетом. А уж потом вы назначаете нового, а тот формирует правительство и представляет вам на одобрение...

Кречет отмахнулся:

– Да знаю я эти процедуры! Все так и сделаем. Но сейчас давайте работать, чтобы не терять ни дня, ни часа! Страна уже и так потеряла несколько лет.

По кабинету пронесся шумок недоверия. А Краснохарев, ничуть не обрадованный, развел руками:

– Ну... в любом случае мы хотели бы больше знать, чего вы хотите. На самом деле. Обещания на выборах – это одно...

Он смотрел спокойно, даже с некоторым брезгливым облегчением. Ну и отстраняй, говорил его взгляд. Осточертело это премьерство. Всех собак на тебя вешают! Вернись в свою промышленность, там мне все еще нет равных. И Рургаз, и Бескиды, и Богемия помнят, кто поставил на колени.

Кречет взглянул в упор:

– Мои слова с делом на расходятся. Что обещал, то выполню. Нет – пуцу пулю в лоб. Но я знаю, с чего начинать! То, без чего не сработает ни экономика, ни политика, ни инвестиции... Идея! Нужна мощная идея, которая бы овладела умами. Которая заставила бы тру-

даться даже тогда, когда уже силы кончились, когда ни рубль, ни доллар не поднимут с ринга. Или с дивана.

Усачев поднял руку, как школьник на уроке:

– Господин президент... я что-то пока не понял, зачем позвали меня.

Кречет повернулся, вперил в него тяжелый взор налитых кровью глаз:

– Непонятно? А чего вы ждете?

Усачев развел руками:

– Ну, военно-полевой суд... Заседание тройки... Решение НКВД о враге народа...

Кречет буркнул:

– А чего-нибудь... еще невероятнее? Чтоб такая глупость, чтобы и на голову не налезла?

Усачев широко улыбнулся, зубы ровные, хотя, несмотря на молодость, наполовину изъеденные и желтые:

– Ну, вы предложите мне разработать программу экстренных мер по оздоровлению экономики.

Кречет буркнул:

– Вот сидите и разрабатывайте.

Усачев остался с раскрытым ртом, а Кречет повернулся к нам. Я помалкивал, мне нужно время, чтобы вжиться, министры переглядываются украдкой, но никто не решается раскрыть рот. Когда молчишь, всегда сойдешь за умного, а раскроешь рот – уже бабушка надвое сказала.

Кречет оглядел всех исподлобья. Голос его был похож на рык:

– Я хочу, чтобы все поняли: произошла не просто смена президента, а народ потребовал другой курс! Если бы просто смена одной жирной рожи на другую, то вон сколько рвалось к этому креслу! Все одинаковые, словно из одного инкубатора. Так что успокаивающие речи о преемственности курса... знаете куда. О каких реформах может идти речь, если половина кабинета ни на что не способна!

Коган, министр финансов, вежливо поинтересовался:

– А другая половина?

– Другая, – рыкнул Кречет еще злее, – способна на все!

– Как верно сказано, – восхитился Коган. – А какая из этих половин больше?

– Это вам не Одесса, – огрызнулся Кречет. Потом внимательно посмотрел на Когана. – А что это у нас за министр финансов, у которого половинки разные?

– Потому что министр, а не математик, – отпарировал Коган без боязни. – Я-то знаю, что дважды два не четыре или шесть, а сколько вам, господин президент, угодно. И что бы вы ни говорили на выборах... гм... словом, как я понимаю, в кабинете будут серьезные перестановки?

Кречет фыркнул:

– Когда в заведении дела не идут, надо девочек менять, а не мебель.

Коган толкнул Краснохарева:

– Как он элегантно обозвал кабинет министров борделем, а? А говорят, что прям, как армейский Устав. Умеет выражаться иносказательно!

Краснохарев обиженно сопел, но спорить с грозным генералом не смел. Кречет хлопнул ладонью по столу, перешептывания затихли:

– Прошу высказываться! И не страшиться самых диких предложений. Бывает, что в дикости больше смысла, чем в часовом словоблудии какого-нибудь умника из подкомитета.

Все переглядывались, наконец заговорил Коломиец, министр культуры, медленно и тщательно выбирая слова, красивый и импозантный, с благородным одухотворенным лицом стареющего аристократа:

– Подъем экономики невозможен без общего подъема культуры всего населения нашей великой страны, все равно великой, ибо наши славные традиции, наши корни и наше мистическое воссоединение с богом, нравственные истоки и глубокая одухотворенность народа, что сохранилась, несмотря на развращающее действие отдельных факторов западной цивилизации... хотя нельзя не сказать, что западная культура оказывает благотворное влияние на славянскую, как и наша русская оказала несравнимое ни с чем влияние на весь просвещенный Запад в лице наших гигантов мысли, таких, как Толстой, Достоевский, Чехов...

Я видел, как посветлели собравшиеся, министр мог говорить долго и пространно, на то он и культура, а не военно-промышленный комплекс, дает им время собраться с мыслями, сориентироваться, но Кречет хмурился, на глазах свирепел, наконец сказал резко:

– Спасибо. Кто еще?

Министр замер с раскрытым ртом. Постепенно на смену одухотворенности проступала обида. Никогда его не обрывали так бесцеремонно. Тем более что никогда не говорил глупости, не допускал в речах нелепых оборотов, всегда правильно расставлял ударения в отличие от депутатов и даже членов правительства.

А носорожистый Краснохарев сказал веско, не замечая неловкой паузы:

– Нужен план. Я говорю не о сталинских пятилетках или хрущевских семилетках, а о планах... вроде ГОЭЛРО, в народе именуемого сплошной электрификацией всей страны, о плане индустриализации...

– ...построения коммунизма, – подсказал Кречет. – Да, что-то вроде этого. Плана построения капитализма быть не может, мы просто не смогли взять твердыню коммунизма, откатились на исходные рубежи. Но после поражения в стране царит такое унижение, такой упадок духа, что с нами справятся не только горстка чеченцев, но и племя мамбо-юмбо!

Язов задвигался, прорычал:

– Одной ракеты хватит, чтобы не только мамбо-юмбо, но и всю Африку...

Коломиец, похоже, решил не обижаться на генерала, какая в казарме культура, сказал печально:

– А что мы можем? Пресса в руках частного капитала. Телевидение – тоже. Мы через полгода вступим в третье тысячелетие, двадцать первый век, а здесь...

Кречет поморщился:

– Какой, к черту, двадцать первый век?.. Что за страна, где идиот на идиоте! Самому тупому из дебилов понятно, что первого января двухтысячного года начинается последний год двадцатого столетия, а до начала двадцать первого еще ровно год, но вся тупая рать газетчиков и телевизионщиков изо дня в день твердит о начале третьего тысячелетия...

Министр культуры растерянно хлопал глазами. Он вышел из поэтов, вряд ли умел считать до десяти, а сейчас, судя по его лицу, был уверен, что генерал-президент кукукнулся. Коган быстро посмотрел на Коломийца, перевел непонимающий взор на Кречета:

– Ну, вы даете, Платон Тарасович!.. Того и гляди брякнете, что Земля... того... вокруг Солнца, а я ж вижу, что всходит на востоке, а опускается за край земли на западе!..

Кречет скупно усмехнулся, кто-то подхихикнул угодливо, обстановка снова разрядилась. Стаканы звякали, половина бутылок уже опустела. Чувствовалось, что у многих появляется желание поставить их под стол по странно выработанной у русского человека привычке.

Забайкалов покряхтел, подвигался, привлекая к себе внимание, и, когда все взоры наконец задержались на нем, проговорил с расстановкой:

– Господин президент, пора определиться с зарубежными поездками. Хотя бы ориентировочно.

Кречет отмахнулся:

– Пока не до поездок.

- Надо, – произнес Забайкалов медленно, едва ли не по складам.
- Что вы давите? – огрызнулся Кречет. – В стране такое творится!.. Сначала надо разгрести здесь. Поездки – потом.
- Но что отвечать?.. Послы берут меня за горло.
- Кречет сказал зло, желваки вздулись, как рифленые кастеты:
- Ответь, что мы сосредотачиваемся.
- Забайкалов усмехнулся, в прищуренных заплывших глазах промелькнула веселая искорка:
- Неплохо.
- Что-то не так? – насторожился Кречет.
- Европейские послы хорошо знают эту фразу. Когда князя Горчакова, одного из моих предшественников, спрашивали, почему Россия перестала участвовать в международных делах, он ответил коротко: «Россия сосредотачивается». Это прозвучало загадочно, грозно и... пугающе. Вы об этом знали?.. Нет?.. Тем интереснее.
- С хмурого лица Кречета на миг соскользнула тень:
- Россия после того позорного поражения все же очнулась от спячки! Начала барахтаться, сделала рывок... и вернула себе и Севастополь, и весь Крым. И даже взяла много больше, чем потеряла. К тому времени мы нарастили такие мускулы, что ее вчерашние победители: Франция, Англия, Турция и еще какая-то мелочь – и не пикнули. Нам бы сейчас так сосредоточиться!
- Ну, дипломатические ноты были, – поправил Забайкалов, – но уж так плакали, для порядка. Хорошо, так и отвечаю, Платон Тарасович. Это в самом деле хороший ответ.
- Он верный, – возразил Кречет, – а не просто удачный. Сруль Израилевич, что у нас с финансами? На нуле?
- Коган сказал осторожно:
- Если бы на нуле, даже я бы не прочь военного парада... С танками и ракетами на Красной площади, бегущими пионерами к Мавзолею... А так, в глубоком минусе. Внешний долг – сто тридцать миллиардов долларов. Но вообще-то западные страны могут подкинуть кредитик...
- Ну-ну?
- Понятно, на известных условиях...
- Кречет нетерпеливо бросил:
- Это ясно даже генералу. Все охотнее дают друг другу на водку, чем на хлеб. Так называемые целевые кредиты. Но, как я вижу по вас, Сруль Израилевич, кредиты готовы дать на таких условиях, что даже вам брать не хочется.
- Коган с независимым видом пожал плечами:
- Я бы взял. Не мне же целовать американского президента в зад!
- Ага, понятно.
- Он шумно засопел, лицо налилось багровым. Коган пояснил невинно:
- Всегда так было. Целовать в зад – обязательное условие получения кредитов. По крайней мере, на Западе. У племени мамбо-юмбо еще не просили, их условия не знаем. Вон прошлому президенту пришлось целовать задницы всем членам Совета Европы. Правда, иногда удается подсунуть вместо себя нашего канцлера...
- Краснохарев насупился, засопел, отвернулся. Буркнул в стол:
- У вас чересчур образный язык для министра финансов. Вам бы, Сруль Израилевич, в газетчики.
- Да что там, – отмахнулся Коган беспечно, – со слабыми нигде не считаются. Как мы ни протестуем против расширения НАТО, но что им наше слабое вяканье?.. Деньги-то, стоя на коленях, у них просим?

– А что, просить лежа? Может, им наша власть не нравится? Все-таки у нас не их болтократия, а, так сказать, просвещенный авторитаризм.

– Просвещенный... – повторил Коган с недоумением, – авто... авто... я знал со школьной скамьи просвещенный абсолютизм... не то Людовика какого-то, не то Луи...

– Мало вас в школе пороли, – буркнул Кречет. – Это вам не финансы! Так никто и не дает?

– Никто, – ответил Коган. – Запад вас боится.

Кречет поморщился:

– Черт... стоило ли позволять еврею пролезть в министры, если не может выпросить денег у западных жидов?

– Мне бы дали, – сообщил Коган, – стоит мне хоть на часок сесть в президентское кресло...

Он плотоядно потер ладони, мол, за часок его правления от Руси останется мокрое место, а Кречет хмуρο буркнул:

– Шиш тебе, Сруль Израилевич! Потом вас и динамитом не свергнуть... понятно, весь кагал притащите. Пора и русскому посидеть на русском троне. А то либо монгол, либо грузин, либо хохол хохла тащит... А уж жидов среди них еще больше. Так что придется искать другие пути, без жидов и коммунистов.

– И комиссаров, – дополнил Коган.

– Вот-вот. Без жидов, коммунистов и комиссаров. Хотя и от них не отказываемся, мы без дискриминации.

В кабинете нарастал легкий шум. Министры двигались свободнее, кто-то решился наполнить стакан водой, кто-то вовсе осмелился налить сока. Грубоватую манеру президента наконец уловили, примерились, теперь старательно подстраиваются под грубовато-мужественный стиль, когда надо работать четко, бесцеремонно, с мужскими шуточками и подковырками.

Сказбуш, глава ФСБ, высокий подтянутый мужчина в штатском, от которого кадровым военным несло сильнее, чем от ста министров обороны, сказал, тщательно выговаривая слова:

– В моем ведомстве хватает дел, но навесили еще и борьбу с преступностью. Как будто у нас нет милиции!.. Ладно, не отказываемся, помогаем. Но как бороться, если у меня связаны руки?.. Если бандит расстреляет толпу миллионеров на глазах свидетелей, то и тогда его адвокаты умеют добиваться освобождения прямо в зале суда, но если мой работник, отбиваясь от бандитов, ранит хоть одного, то его по судам затаскают, опозорят и его, и участок, и все наше ведомство!

Кречет взглянул в упор бешеными глазами:

– Разберемся.

– Это я слышу давно, – вздохнул Сказбуш.

– Я обещал покончить с преступностью, я покончу, – бросил Кречет зло. – Попрошу после этого совещания задержаться. У меня уже есть кое-какие идеи.

Я видел, как на фээсбэшника поглядывают с завистью. По крайней мере его отстранять немедленно не собираются. Да и сам Сказбуш заметно приободрился, расправил плечи, стал выше, оглядел всех за столом так, словно уже воспарил, а эту мелочь с высоты щедро побрызгивает жидким пометом.

ГЛАВА 10

Позвякивали бутылки с минеральной, Коган налил себе апельсинового сока. Сказбуш, ободренный вниманием президента, сказал:

– Платон Тарасович, я по поводу идеи... Почву для урожая полагаются сперва унавожить. На голой земле и чертополох не растет.

Кречет рявкнул нетерпеливо:

– Вы говорите как поэт. А конкретно?

– Предлагаю снять завесу секретности, – продолжал Сказбуш невозмутимо, – хотя вроде бы и завесы нет, и секретности нет, но об этом никто не говорит. Стыдятся? Я говорю о распаде СССР.

Кречет кивнул:

– Что именно?

– Все, от последнего нищего до академика, подавлены распадом могучей сверхдержавы. У всех почему-то создалось впечатление, что наконец-то добились независимости от России всякие там... Здесь нас никто не подслушает?... Простите, но так хочется говорить без оглядки на телекамеры!.. Всякие там Грузии, карликовые прибалтийские княжества, средне-азиаты, крошечные кавказские народцы, коих на карте и с лупой не отыщешь... И вот теперь бедная Россия брошена всеми! Я понимаю, надо было сделать вид, чтобы не обидеть тех, кого сами бросили. Пусть выглядит так, будто эта мелочь... точно не подслушивают?... сумела добиться свободы... хотя дураку видно, что никакая Грузия не смогла бы добиться независимости, если бы... ее не захотела сама Россия.

Глаза Кречета ничего не выражали, только спросил коротко:

– Это ясно. Но что предлагаете?

– Щадя тех, кого мы бросили, мы унизили свой народ. Как унижали все годы! Но, как видно, нельзя вбивать в грязь до бесконечности. По ноздри – еще можно, а сейчас его нагнули так, что в нем вовсе угасает искра жизни. Срочно пора обнародовать правду, что это как раз Россия захотела выйти из СССР... и вышла!.. Никто другой! Это России надоело кормить массу республик, массу народов, что плодились как тараканы, но ни черта не делали, не вносили в копилку, а только жрали наш хлеб, пили нашу нефть, пользовались нашим газом, нашим золотом... Пусть пресса наконец скажет, что сама Россия вышла из СССР! Никто бы не сумел разрушить СССР, если бы Россия не решила выйти! Вспомните, как ахнули на Западе, в США. Там были уверены, что СССР будет стоять еще столетия. Для них было полной неожиданностью, что СССР распался. Конечно, нам смешно, но придется запустить пропагандистскую машину во всю мощь, чтобы на этот раз вбить в головы не ложь, а правду: Россия сама освободилась от дармоедов и теперь сама будет распоряжаться своими неслыханными богатствами. Сама!!! Но это не значит, что продадим их на корню. Мы не арабы-бедуины. Мы уже запускали космические корабли, и мы снова сделаем мощнейший рывок!!! Америка будет нам задницу целовать... если догонит и если мы не побрезгуем!!!

Он явно злился, на скулах выступили красные пятна. Мне почудилось, что горячится чуть больше, чем следовало бы. То ли старается произвести впечатление, то ли в самом деле накипело.

Кречет кивнул:

– Согласен. Никогда еще Россия не была так унижена и оплевана, как сейчас! Ни за двести лет татаро-монгольского ига, ни за время нашествия Наполеона, ни даже на захваченных гитлеровцами землях... Как бы ни свирепствовало гестапо, но у нас, безоружных, оставалась своя гордость, мы узнавали имена Зои Космодемьянской, молодогвардейцев, Лизы Чайки-

ной! А сейчас растоптали самую гордость! Наконец-то растоптали. Сломали хребет всей России... Пусть спорят отставные генералы, кто выиграл войну: Жуков или Сталин, на самом деле выиграл тот матрос, который обвязался гранатами и бросился под танк. А вот сейчас не бросится. Не только в Афганистане или Чечне, но и на окраине своего села, когда нападут американцы, китайцы или мамбо-юмбо. Страны нет, державы нет... а то, что называется Россией... тьфу!.. это позор для тех, кто еще помнит, чем Россия была. Но эти, которые помнят, быстро вымирают, им помогают вымирать, а новые рождаются уже с американской жвачкой вместо мозгов. Им все до фени...

Я слушал, рассматривал кандидатов в команду. Премьер, который привык проводить короткие совещания, поинтересовался:

– И какая ваша линия на ближайшее время?

Кречет взглянул в упор, словно через прорезь прицела:

– Я собрал всех, чтобы поговорить, обменяться мнениями. Мысли вслух, так сказать. Пусть сегодняшней день будет днем знакомства. Но и раскочиваться долго некогда! До утра я обдумаю все сказанное здесь, а в девять часов... нет, в восемь, назову состав команды.

Кто-то, не выдержав, украдкой взглянул вверх. Мол, все сказанное здесь будет не только услышано, но и записано. Как и замаскированные телекамеры снимают каждое движение, чтобы аналитики расшифровали, дали толкование, адекватна ли мимика сказанному. А президент вынесет решение уже на основании ночной работы своих техников с докторскими степенями!

– А что скажете вы, Виктор Александрович?

Вопрос попал в меня, как брошенная граната. Я вздрогнул, к тому же все повернулись и так уставились, будто я голым танцевал на проволоке. Я ощутил, как по телу прокатилась ледяная волна. В горле запершило, я с трудом прокашлялся, заставил себя разозлиться, чтобы унять дрожь во всем теле: не мальчик же перед строгими учителями!

– Трудно сказать... но мне кажется... или, как говорят спиномозглые, думается... что одна организация все же сохранила свою структуру. Кадровую, финансовую, экономическую. Не только сохранила, но и укрепляет. К тому же государство усиленно помогает... Сейчас она занимает не только в умах и сердцах, но и в общественной жизни место славной Коммунистической партии.

Кречет смотрел в упор бешеными глазами:

– Вы говорите о церкви?

– О православной церкви, – уточнил я. – Вон на вашем телевизоре как раз ведущая спрашивает какую-то порнозвезду... виноват, певицу, верующая ли та. Она, как и большинство, не сомневается, что можно быть либо неверующим, либо верующим... в Христа, обязательно православного, которому крестятся справа налево, а не слева направо, как католики...

Кое-кто перестал смотреть на меня, повернулся к телевизору. Там ведущая, что старалась выглядеть духовно богатой, вела передачу о попах.

– А с какой помпой, – продолжил я, – празднуются христианские праздники! Строчка в Конституции о равноправии религий всего лишь буквы на бумаге. Мы привыкли, что священники в рясах все мощнее отвоевывают места на экранах телевизоров, в политической жизни, экономике... Вчера я был в гостях, как там удивились, когда вместо попа с экрана телевизора обратился мулла с благословением и пожеланием счастья и здоровья! Как же, мол, откуда такой взялся в нашей матушке православной России! А невдомек, что мусульман в России ненамного меньше, чем православных. А то уже и больше.

Справа и слева от меня негодуяще зашумели. Кто-то напомнил строго:

– Но все-таки наша страна православная! Всегда была и должна ею остаться!

Кажется, это был министр культуры, но генералы от армии и разведки смотрели так, словно они тоже были министрами культуры или министр культуры был генералом.

Я ощутил, что начинаю заводиться.

– Да? Да еще всегда? Православие военной силой принес князь Владимир. Потом за несколько столетий удалось раздвинуть от Киева дальше на север, но уже со времен того же Владимира, когда на службу Киеву стали поступать печенежские ханы со своими ордами, Русь уже стала хотя бы на треть мусульманской. А потом пришли татаро-монголы, которые стали поступать на службу к русским князьям. Куликовская битва подается подлецами для дураков как великая победа русского народа над татарами, хотя на самом деле это была битва двух идеологий, не народов. Хотя бы потому, что на стороне русского войска дрались как украинские отряды, так и два татарских полка. Когда Иван Грозный уезжал на войну с татарским Казанским ханством, он оставил управление Москвой не своим боярам или воеводам, а татарскому хану Гирею. Да и вообще мусульмане для России сделали настолько много, что надо обладать поистине русским беспамятством и русской неблагодарностью, чтобы тут же все победы приписывать своей доблести, а поражения – проискам всяких там мусульман.

Вокруг шумели все недовольнее. Кречет бросил с усмешкой:

– Каким-то образом оказавшихся на территории России.

– Да-да, – сказал я обрадованно, в реплике всемогущего президента почудилась поддержка, – как-то на исконные земли России вкралось Казанское ханство, Крымское, Хазарское... Словом, я уже чувствую, что ушел в сторону, но прошу простить, ибо у меня нет опыта больших собраний... как и малых. Просто я хочу обратить внимание на структуру, что не только не потеряла ничего с крахом СССР, а угрожающе выиграла. Кому-то покажется, что здесь искать и менять нечего. Но вы – правительство... или будете им, а не «кто-то».

Я видел непонимающие лица. Все-таки для них я человек, попавший сюда в случайной неразберихе. Выкнул глупость, ее выслушали, а теперь можно забыть и заняться делом.

Даже Кречет поморщился, явно от меня ждал чего-то умнее. Но смолчал, повернулся к Яузову:

– А что скажете вы, Павел Викторович?

Яузов посопел, на красной харе глазки сверкали из-под густых бровей, как блески слюды в темных пещерах:

– Вам как ответить: как положено или как на самом деле?

Кречет усмехнулся:

– Я не политик. Я солдат, как и вы. Давайте правду. За стенами этого кабинета будем говорить, что положено... там массмедиа, шпионы, а здесь надо начистоту.

– Ну тогда получите... У меня в голове только Чечня, в сердце – Чечня, как и в печенках. Понимаю, министр обороны должен думать о всей стране, мыслить глобально, тем более что Чечня – уже прошлое, но ничего с собой не могу поделать. Видать, уже негоден для такого поста, потому прошу отставки. Я ненавижу чеченцев! Я хотел бы ввести туда войска... да не просто войска, а танковую армию, чтобы сровнять все с землей. И чеченцев вбить в землю гусеницами так, чтобы и от костей следа не осталось. Ненавижу за то, что лучше нас. За то, что сохранили то, что мы давно растеряли... Нет, не так уж давно. Еще мой дед рассказывал о нравах в армии, тогда еще не Советской, а Красной. Да что там дед, отец рассказывал! О кодексе чести, верности слову, мужском достоинстве, гордости. У чеченцев есть это и доньне. Они благороднее нас. Мне они как укор. И я пытаюсь избавиться от этого укора как могу...

Я стоял близко к Когану и слышал, как он шепнул красивому седовласому министру, имени которого я не знал:

– Пьет, значит.

– Или по бабам, – предположил тот задумчиво.

– Он же сказал, как может!

– А-а-а-а, тогда пьет, ежели в этом смысле.

Кречет внимательно слушал. К удивлению генерала, который махнул на все рукой и готов был пойти хоть под разжалование, хоть под трибунал, на лице всесильного президента появилось выражение удовлетворения. Он покосился на меня, кивнул. Генерал потенциально был сторонником резких реформ, но сам не знал каких. Уже и священников напустил в армию, пытаясь возродить веру, ввести несвойственных русской армии полковых священников.

– Мне кажется, – сказал Кречет медленно, – есть способ, как избавиться от этого укора иначе... Без позора, а с честью! И даже, к радости бизнесменов, с немалой выгодой...

Язов, видя, что рука президента еще не рвет с него погоны, смотрел исподлобья:

– Я не верю в решения, которые устраивают и людей чести, и бизнесменов. Как правило, они хотят противоположного.

Кречет развел руками:

– Это уникальный случай.

Я добавил из своего угла:

– Последний раз он выпадал ровно тысячу лет назад.

Генерал смотрел непонимающе. Еще непонимающее смотрели остальные. Лицо Кречета было усталым и серьезным. Язов сказал осторожно:

– Я чувствую, вы что-то задумали. Знаете, в воздухе носится нечто эдакое... Я вам верю. Как мужчина, как человек чести. И пойду с вами, даже если придется положить голову на плаху. Мне кажется, вы тоже готовы. Россия в беде!

Марина внесла на подносе чашки с кофе. Следом две милovidные девушки несли горки бутербродов. На середине стола появился кофейник: Кречет явно щадил тех, кто побаивается крепкого кофе. Я заметил, что даже генерал держится за столом скованно, лишь министр культуры демонстрировал манеры, красиво держал чашку, изящно брал бутерброды.

Все как один предпочли черный кофе, крепкий и сладкий. То ли в подражание Кречету, то ли старались показать, что со здоровьем у них в порядке, значит, работать смогут, как требует президент, чтобы пар шел из места, где спина теряет благородное название...

Коган сказал озабоченно:

– Платон Тарасович, у меня была надежда на западные инвестиции... Но если говорить прямо, то теперь горят и те, которые обещали. Вас побаиваются.

В комнате настала напряженная тишина.

– Запад есть Запад, – изрек Язов.

– Взяли за горло, – поддакнул кто-то осторожно.

– Диктуют...

– Но без их денег нам не выжить, – обреченно сказал Коган. – Нам и надо всего-то миллиардов пять-семь. Смешно, но мы вложили в экономику США семьдесят миллиардов долларов!.. Именно столько долларов в чулках у населения.

Коломиец сказал значительно:

– Но не отнимать же? Это был бы удар по доверию.

Язов подвигался, то ли разминая кресло по фигуре, то ли свой зад, прорычал раздраженно:

– Один плюстик есть. Наконец-то Штаты показали свое истинное лицо.

Коган обрадованно воскликнул:

– А я наконец-то слышу старые добрые лозунги моего детства...

Язов пренебрежительно отмахнулся:

– Да узнавайте что хотите. У нас свобода! Вам, как американскому шпиону, собирать информацию теперь легче... А вредить, так вообще. Просто раньше США твердили, что создают НАТО, чтобы бороться с бесчеловечным коммунистическим режимом. Когда же,

мол, режим падет, необходимость в НАТО отпадет. Мне не пятнадцать лет, я помню те заверения!.. Но вот режим пал. У нас тот же капитализм, что и в США. Казалось бы, нет нужды и в НАТО. Но что мы видим?

– Как вы странно интерпретируете, – сказал Коган. – Вы инсценируете НАТО....

Кречет сказал серьезно:

– Перестаньте передразнивать нашего министра культуры. Язов прав, как это ни горько. Теперь уже ничего не объясняя, НАТО спешно придвигается к нашим границам. Ибо по эту сторону рубежа – баснословные залежи нефти, газа, золота, алмазов, урана, редких металлов и минералов, у нас немерено и неведано сколько леса, плодородных земель. При чем здесь режим, когда Западу нужны наши богатства! Мы отделились от «братских» республик, чтобы не кормить голодную и вечно недовольную ораву, но от Запада так просто не отделаться. Они так просто от наших богатств не откажутся... Да, Штаты открыто объявили о войне с Россией! Если раньше прикрывались баснями о борьбе с неугодным русскому народу режимом коммунистов, мол, мы собираемся помочь угнетенному русскому народу, на что многие у нас клюнули, то теперь....

– Война? – спросил кто-то дрогнувшим голосом.

Кречет сказал серьезно:

– Россия не готова. Но на всякий случай я запланировал маневры через месяц.

ГЛАВА 11

Я взглянул на часы и удивился, как мало прошло времени. А переговорили, казалось, уже столько, что неделю надо раскладывать в голове по всем полочкам и этажам.

Вдруг Кречет повернулся ко мне. Его злые глаза уперлись в меня так, что я ощутил себя под прицелом гранатомета:

– Виктор Александрович, включайтесь в работу без долгой раскачки. Что я из вас каждое слово как клещами? Видный ученый, футуролог, вам и карты в руки.

Министр культуры тонко улыбнулся:

– Платон Тарасович, сейчас народ больше знает певичек и порнозвезд, чем академиков. Но нам в самом деле интересно услышать мнение видного футю... фруто... фруктолога.

На меня смотрели кто настороженно, кто откровенно враждебно, как на выскочку, неизвестно как втершегося в кулуары правительства. Я сказал сдержанно:

– Увы, не оправдалось гордое: «Первый Рим падоша, второй Рим падоша, третий Рим стоит и стояти будет, а четвертому Риму не быти». Третий Рим не пал, выстоял перед Наполеоном и Гитлером, но сейчас склонился перед долларом. Четвертым Римом стал Нью-Йорк, а США – Римской империей в эпоху последней стадии упадка, когда удивляет весь мир как богатством, блеском, так и упадком доблести, когда эти римские граждане... то бишь американские, панически трясутся за свои жизни, а твердыни штатовского Рима трещат под ударами молодых... нет, переживающих вторую молодость некогда древних и мудрых народов. Американцы трепещут перед экологически недостаточно чистыми продуктами, их ужасает озоновая дыра, мужчины красят волосы и делают подтяжки харь... куда уж с гранатами под танки или в горящем самолете на колонну врага!.. Но не бросятся уже и русские. Хотя русские все ж бросались, а американцы – нет. И никогда не могли броситься.

Кто-то хмыкнул, а военный министр спросил заинтересованно:

– Это похоже! Но почему?

– Правила чести, жертвенности, верности слову, долгу перед страной могли возникнуть лишь в странах, где был так называемый высший свет. Где в самом деле понимали, в какой стране живут, а не просто пахали и сеяли, где дрались на шпагах, стрелялись на дуэлях... Неважно, какая перед именем стояла приставка: фон, дон, де, мак или ничего не стояло, как у нашего дворянства, но эти люди дрались на дуэлях, стрелялись по самому ничтожному поводу, смывая кровью пятно с чести... но где вы видели, чтобы из-за чести дрался крестьянин? Русский, немецкий, французский?.. Да еще до смерти? Так вот американцев нельзя винить за отсутствие правил чести, ибо в Новый Свет переселялись крестьяне в поисках лучшей доли. И все было бы ничего, если бы эти крестьяне так и жили, озабоченные только тем, как выжить, а потом уже как просто жить с наименьшими затратами ума и усилий. Но они укрепились, а потом... Главная черта простого человека... какая?

Яузов, который слушал с особенным удовольствием, как я поливал проклятую Америку, которую он все еще держал под прицелом оставшихся ракет, ответил первым:

– Ну, отсутствие чести, как вы уже говорили.

– Нет. Главное, – сказал я, намекаяюще глядя на него, – воинствующее невежество. Тупой человек всегда агрессивен в суждениях. Он никогда не скажет себе, что встретил нечто выше его понимания. Такой безапелляционно заявит, что всякие там Бетховены – дурь, что Пикассо – не художник вовсе, что звездная астрономия – шарлатанство для выманивания денег у простого народа, любая философия – бред, надо под корень!.. Страшно, когда весь народ из таких простых людей, когда идеология простого народа становится идеологией страны! Но есть вещь и пострашнее.

– Что?

– Когда эта идеология начинает экспортироваться в другие страны, где еще живы понятия чести, достоинства, верности слову, а не документу, над которым поработали адвокаты!.. Человек слаб. Когда он видит, что можно не бежать, а идти, когда видит, что можно не идти, а стоять, а то и вовсе сидеть... а потом и лечь и что в этом, оказывается, нет ничего позорного... вон американцы вовсе ходят с соплями по всей морде и гадят прямо за столом... и ничего! Человек слаб... Постепенно начинают поговаривать, что зато там живут весело, балдеют, расслабляются, отдыхают. А главное в жизни – это не работа, а отдых, балдеж, расслабление, оттяжка!.. Понимаете, когда главным мерилom становится не достоинство человека, а рубль... или доллар, как ни назови, то американцы как бы получают право поучать другие народы. У них этих долларов больше.

Кречет раскрыл рот, но Яузov, не видя, опередил:

– Грешен, одно время смотрел американские боевики. Так обратил внимание на частое словцо, что так и мелькает: «Не будь героем!» Так говорят и полицейские, и преступники, и никто не плюет такому в глаза. Мол, не рискуй, сложи оружие, переноси унижения, забудь о каких-то нелепых понятиях чести, достоинства...

Сказбуш добавил:

– Раньше разведчиков снабжали ампулой с цианистым ядом. Мол, в случае провала... А теперь, когда главной ценностью объявлена жизнь, уже знаем: выдаст всех. Еще до того, как прищемят палец или посветят лампой. Потому стараешься сообщить как можно меньше. Что усложняет любую операцию.

Я видел со всех сторон обращенные ко мне лица. Похоже, задел, если все говорят одинаково, не спорят, а друг друга дополняют. Какой ни разношерстный кабинет, но общая беда...

Я продолжил как можно более убедительно:

– Американцы как раз и побеждают по всему миру, потому... что не прошли эпохи рыцарства, верности долгу, чести, слову. Они сразу начинались как нация лесорубов и золотоискателей, что плавно перешли в банкиров и рабочих. Для американца немыслимо застрелиться, смывая, так сказать, кровью пятно... что было так характерно для всей Европы, в том числе и для России. Этот трусливенький американский образ жизни победил, теперь и наш боевой генерал, обгадившийся при защите Белого дома, куда там застрелиться: лучше по судам затаскает!.. А все это называется уважением к человеческой жизни... Для американцев нет ничего дороже собственной жизни, от этого они пляшут во всем. Нам труднее это принять, потому что у нас, как я уже говорил, была эпоха верности слову, чести... были столетия, да что там столетия! – с самых первых дней Руси честь и достоинство ценились выше жизни. А так было до самого недавнего времени...

– Пуго застрелился, когда не получился переворот...

Я отмахнулся:

– Это уже отдельные случаи. Американцы тоже иногда стреляются. Один на сто миллионов. А я говорю о временах, когда было правилом пустить пулю в лоб... или в сердце, чтобы кровью смыть пятно. Это время кончилось с последней большой войной, тогда еще красные командиры стрелялись... да и немецкие тоже. Потому у нас осталась острая тоска по тем временам! И нам хочется возврата... Не в прошлое, а к традициям верности слову, гордости, достоинству. Наш западный мир... а мы тоже относимся к западному миру, хоть и намного беднее, но идеалы те же маленькие и подленькие: побольше жратвы, теплый клозет, видеоаппаратура, поменьше работы да повыше зарплата, и чтоб никаких идей, никаких целей общества, а просто жить, жрать, гадить в чистом туалете, ходить по бабам... Пока еще нет насмешек над трагической любовью Ромео и Джульетты, для нас свято имя Шекспира, но через несколько лет уже над ними начнут насмехаться открыто! Мол, двое идиотов... Любовь, конечно, хорошо, но не убиваться же в самом деле? Предмет любви легко заменим.

Вон в любом американском боевике герой, потеряв горячо любимую жену, а то и ребенка тоже, тут же натывается на девку, с которой уничтожает злодеев и... если между выстрелами и пинками еще не лег с нею в постель, то поженятся сразу же, как последний злодей упадет с простреленной грудью. Человек в западном мире может покончить с собой от зависти, что у соседа больше денег, но никогда из-за несчастной любви, из-за чести.

Все слушали, по их лицам я читал настороженность, расчет, некоторые поглядывали то на меня, то на Кречета, стараясь понять, как тот реагирует на нестандартные речи, дабы успеть скорректировать свою линию.

Яузов, который больше всего на свете мечтал стереть с лица земли Чечню, неожиданно сказал:

– Может быть, фру...проктолог прав. Мы ненавидим исламистов за то, что у них есть то, что мы потеряли... потеряли совсем недавно. Исламист еще может застрелиться, смывая пятно со своей чести, а наш герой только оботрется, когда ему в морду плюнут, а потом тебя еще по судам затаскает. Но мы помним, что еще совсем недавно наши отцы... ну пусть деды, еще стрелялись, чтобы снять с себя обвинение...

Коломиец зябко передернул плечами:

– Это уж вовсе лишнее.

Яузов сказал горько:

– Мне, хоть я и военный, приходится забираться в такие дебри, чтобы искать пути повышения, так сказать, воинского духа... Я скажу, что основная разница между исламским миром и тем, который себя гордо называет передовым, не космические ракеты или производство компьютеров! Исламский все еще упорно стоит на том, что жизнь – не самое ценное для человека, что важнее – честь, достоинство, верность слову! Западный же мир провозгласил главной ценностью жизнь человека. Любого, даже самого подлого. И ради спасения этой жизнишки можно и в дерьме валяться, простите за солдатскую прямоту, а то и наглотаться, плевки вытерпеть, оскорбления проглотить, изнасилование своей жены и дочери простить, да и самого, если тоже используют, – ничего, теперь это так, пустячок для западного человека. Советуют даже расслабиться, чтобы получить удовольствие. Потому я ненавижу исламистов, ибо они сохранили свою честь, а мы – нет. Они постоянный укор, и мы это чувствуем. Но я хоть признаюсь, за что ненавижу, а в американских боевиках они все – тупые и жестокие дикари...

Коломиец возразил громко:

– Что вы ссылаетесь на американские боевики!.. Культурные люди их не смотрят. Это не критерий...

Яузов зло огрызнулся:

– Культурных перевешали еще в семнадцатом. А которые остались... они в помойках роются, а не книжки читают!

– Ну, это уже...

– Ничего не «уже». Боевики творят моду, а модой можно навязать то, что не по зубам ни закону, ни ФСБ, ни моей танковой армии!

Другие тоже поглядывали, как и я, с удивлением. Квадратнорожий, тупой, он говорил грубо, но неожиданно дельно. Впрочем, дураки хороши для выполнения приказов, а не для совета. Кречет знал, кого приглашать. Не у всех мозги в спинном хребте или в том утолщении внизу, из-за которого динозавры едва не стали властелинами мира, но все же не стали.

Кречет поглядывал с удовольствием. Похоже, нравилось, что генерал – морда ящиком – ошарашивает интеллектуалов.

Нам уже дважды приносили горячий кофе. Коломиец сдался первым, разбавил крутым кипятком, но теперь все наконец-то говорили, перебивали друг друга, высказывали набо-

левшее, а заодно и старались привлечь внимание резкими суждениями. Генерал-президент, сторонник решительных мер, подберет в команду решительных и жестоких...

Коган ерзал-ерзал, наконец встал, извинился, метнулся к дверям. Яузов фыркнул, мол, кишка слаба, которая прямая, а Коломиец наклонился к Кречету:

– Вас устраивает такой министр финансов?

Кречет удивился:

– Конечно! Он само обаяние. Дамам ручки целует... Всегда улыбается. Что еще надо?

Коломиец замялся, явно хотел как-то обратить внимание на горбатый нос министра финансов, на фамилию, а то и намекнуть, что с таким министром денежки могут уплыть в одно ма-а-а-аленькое, но с большими аппетитами государство.

– Ну, а как... насчет деловых качеств?

Кречет удивился еще больше:

– Шутите?.. Какие еще деловые качества? Если буду такое спрашивать, то придется ходить по пустому зданию. Взгляните в окно, увидите их деловые качества. Богатейшая на свете страна... единственная в мире, где есть и золото, и алмазы, и нефть... и все-все!.. причем не только для себя, но на продажу!.. и нищая. Какие вам еще деловые качества? Мне с этой сворой разбираться еще долго. И погнать всех в шею нельзя, среди них в самом деле могут найтись один-два стоящих человека. Может быть, даже три... Хотя вряд ли... Но их не видно за спинами горлопанов.

В дверь заглянула Марина, что-то знаками показала Кречету. Тот нахмурился, буркнул:

– Прошу извинить, что-то срочное.

Он поднял трубку, а потом, оглянувшись на нас, сделал неслыханное, на что не решился бы ни один президент: нажал синюю кнопку, давая нам возможность всем услышать, тотчас же торопливый мужской голос прокричал в испуге и усердии:

– Господин президент!.. Господин президент!.. Только что группа террористов захватила заложников!.. В здании Сбербанка!.. В заложниках семьдесят человек. Среди них – женщины и дети. Кого направим для переговоров?

Лицо Кречета стало жестким, словно его вырезали даже не из камня, а из железа. Холодным злым голосом поинтересовался:

– Вы кем работаете?

– Я? – растерялся голос.

– Да.

– Замминистра внутренних дел...

– Да? А я уж подумал, что метите на министра иностранных дел или культуры. Какие переговоры с террористами?.. У вас что, патроны кончились?

Голос на том конце провода осел, пролепетал:

– Господин президент, если я правильно вас понял...

Кречет рыкнул:

– А меня не надо понимать иносказательно. Я отдаю приказы, и отвечаю за них я. В переговоры не вступать. Быстро штурмовые отряды!.. Заложников освободить, преступников уничтожить на месте.

На том конце провода шебаршилось, затем в голосе проступило радостное изумление:

– Господин президент... Я приложу все силы, чтобы освободить заложников без потерь, а на террористах... сэкономятся деньги налогоплательщиков на всякие суды, что и так...

Кречет, не дослушав, опустил трубку. Забайкалов первый нарушил тяжелое молчание:

– Западные страны поднимут крик. Ведь при штурме кто-то из заложников да пострадает.

– Мы все сейчас заложники, – мрачно пошутил Яузov, но это не прозвучало шуткой.

– С одной стороны – Запад, – сказал Коган, – с другой стороны – энтузиазм простого народа. Как только увидят, что преступников расстреляли... пусть даже не расстреляли, а перебили при захвате, но все же до суда не довели, то народ будет за такого президента обеими руками. Ведь, чего греха таить, никто в нашу судебную систему не верит. Да и на самом деле, слишком много настоящих матерых убийц, взятых с оружием в руках над телами жертв, оказывается на свободе очень скоро. Хорошо бы еще наш президент повесил на Красной площади с десятков преступников или возродил обычай рубить головы на Лобном месте! Простой народ этого требует, а интеллигенция хоть и вяло протестует, говоря чужими словами о гуманности, но в глубине своей подленькой души будет рада...

Он говорил с серьезным видом, и нельзя было понять, где кончается серьез и где пошла насмешка.

Кречет следил за всеми исподлобья, лицо неподвижное, только желваки время от времени вздували кожу, словно из глубин океана показывали спины огромные неведомые звери.

– Терроризм, – проговорил он с отвращением, но я ощутил, что это относится не к самому терроризму, а то ли к принятым законам, что узаконивали беззаконие, то ли к нам, сидящим с ним рядом. – Почему в СССР терроризм был невозможен? Да потому, что с террористами на переговоры не шли. А если в первые годы Советской власти кто-то и пробовал таким путем чего-то добиться... вынужден напомнить, что терроризм – это русское изобретение, это создали и обосновали наши видные теоретики – князь Кропоткин и Бакунин, так что не Западу нас учить, как обращаться с терроризмом!

Мирошниченко, пресс-секретарь, который сидел тихонько, как серая незаметная мышка, впервые осмелился подать голос:

– Но, господин президент, надо как-то обосновать... Меня разорвет пресса...

Кречет громыхнул:

– Так и обоснуйте. Когда в квартире пожар, только идиот будет стоять на балконе и делать зарядку на свежем воздухе! А мы не идиоты. По крайней мере, не настолько. Вот когда пожары погасим, тогда... Да, будут нарушения законности... потому что закон плетется за жизнью, а та сейчас несется галопом, закусив удила, мы не в состоянии предусмотреть все, закон всегда опаздывает... Виктор Александрович, вы не заснули? То-то перед вами уже второе блюдо с бутербродами пустеет... Или вы для своего пса воруете?

Я сказал осторожно, чувствуя себя дураком, что ввязался в это дело. Ведь когда человек решится что-то делать, он ищет только подтверждения своей правоты. А любое замечание выглядит как личное оскорбление.

– Я хотел бы, – сказал я тихо, – чтобы все-таки поняли: другого человечества у нас нет. Вообще нигде нет. Ни на Марсе, ни на Тау Кита. Есть эти, которым интереснее слушать по телевизору, с кем спит модная певичка, чем рассуждения философов, они слушают по шестому каналу анекдоты под раскаты коллективного хохота, они ленивы, они тупы... но других людей нет.

Голос мой становился все тише. Меня не слушали, это ясно. Я говорю слишком абстрактные вещи, зря меня пригласил Кречет, я ни к черту в компании практиков...

Кречет, похоже, ощутил общее настроение, хлопнул ладонью по столу, прервав меня на полуслове:

– Похоже, мы заработались. Целых пять минут урвали у обеда!.. Давайте прервемся на часок, в столовой уже супы остывают, а потом продолжим с новыми силами.

Все сидели как истуканы, никто не решался показать, что готов оставить работу ради какого-то обеда, Забайкалов начал грузно подниматься первым, но Коган вскочил как живчик, заявил жизнерадостно:

– Посмотрим-посмотрим, чем кормят из солдатского котла!

Кречет удивился:

– Солдатского?.. Я еще ничего поменять не успел. Так что придется призвать вас в ряды, чтобы есть, так сказать, в обстановке, приближенной к боевой...

Коган в страхе выскочил, а когда мы гурьбой добрались до столовой, что ошеломила меня как размерами, так и богатством, Коган уже сидел за столом, уставленным так, что подламывались ножки, жрал в три рыла, расставив локти.

– Как работаем, – заявил он с набитым ртом, – так и питаемся.

ГЛАВА 12

Кречет сел за крайний угловой стол, к нему, как железные опилки к магниту, устремились одинаково улыбающиеся официантки. Салатики тут же убрали, взамен появилось что-то вроде бараньего бока с кашей. Я услышал запах жареного мяса, невольно замедлил шаг. Кречет помахал рукой:

– Виктор Александрович!.. Давайте сюда. Я закажу для вас что-нибудь диетическое.

– Тогда я с вами поменяюсь, – сообщил я. – Это что у вас?.. А, гусь? Я думал, таких огромных не бывает.

Пузырьки вздувались и лопались на коричневой корочке, а когда она лопалась, оттуда вырывались такие пахучие струи, что мой желудок начал прыгать как зверь, кусать за ребра. Я сглотнул слюну, мои глаза не отрывались от гуся:

– Теперь вижу, что в президентстве что-то есть...

Кречет подозвал официантку:

– Вон на тот стол... левее... отнеси кусок сала. Да побольше. Наш министр культуры стесняется своего хохлячества. Даже дома, говорят, сало ест только под одеялом, чтобы не заподозрили в работе на украинскую разведку.

Сиденье стула приняло меня умело и опытно, расположив мою задницу так, что сразу стало ясно, какие усилия и какая зарплата потребовалась, чтобы сконструировать такое чудо академической мысли. С белоснежной скатерти в глаза больно стреляли мириадами острых зайчиков хрустальные вазочки, фужеры, пирамиды салфеток стоят, как сахарное пирожное, я сразу ощутил себя неудобно, привык есть прямо на кухне, там просто и уютно...

Когда я зажимаюсь, или, как говорят юзеры, зазиповываюсь, то делаю все наоборот: мои руки нагло отодрали толстую, истекающую соком ногу президентского гуся, мол, у Кречета харя треснет, а страна лишится решительного президента. За дальним столом Коломийцу подали сало, он удивлялся и отпихивал, на него с веселым злорадством указывали пальцами: выдал себя, украинский шпион!

В трех шагах на стене светился экран гигантского телевизора, звук приглушен, и хорошо, иначе гусь в моем желудке превратился бы в камень от злости: один телеведущий брал интервью... у другого телекомментатора. Тот, красиво откинувшись в кресле, долго и пространно рассказывал, как он умеет работать, как готовится к началу дня, какая у него кошка и как он отдыхал... такой смешной случай приключился... нет, давай расскажу вот этот...

Оба называли друг друга уменьшительными именами, не понимая, что тем самым позорят свои телеканалы, ибо как в постели называют друг друга – их личное дело, но перед экраном у них должны быть полные имена.

Кречет перехватил мой взгляд:

– Что, не понимаете, почему говорят не о Билле Гейтсе, а... черт, даже слово не подберу, чтобы назвать этих!.. Увы, о нем тоже на днях слышал. Мол, самый богатый человек Америки!.. Вот что хотят слышать, что запоминают.

Коломиец наконец выяснил, чей заказ ему принесли, вскочил, бросился к нам. Кречет указал ему на свободный стул напротив:

– Садитесь. Сейчас принесут. Степан Бандерович, вы телевизор хоть иногда смотрите?.. Нет? Тогда поглядите. Пора бы убрать этих самовлюбленных идиотов!

– Каких? – спросил Коломиец. – У меня они все скорее энергичные, чем что-то еще. В массмедиа самое важное – энергия, напор, нахальство!

– Черт, я думал, что это называется другим словом, а оказывается – журнализм! Для начала убери хотя бы этих, которые решили, что самые главные люди на свете – это они

сами. Показывают себя, делают передачи о себе, на заставках уже их поганые рыла, а не президента, скажем, премьера или еще более важных людей – ученых, изобретателей, музыкантов...

– А-а-а, – понял Коломиец. – Ну, я с этой болезнью бьюсь уже долго. Но как только в руки попадает телекамера, всяк норовит сам втиснуться в поле съемки. Вчера я одного сам... хотя как журналист был хорош. Брал интервью у военного министра, так за пятнадцать минут министра показал в течение... минуты! А все остальное время – себя, любимого, умного, вальяжного, красивого...

Кречет невесело усмехнулся:

– Тогда указ какой-нибудь издай. Не знаю, как сформулируешь, но чтоб знали свое место. А то мне это напоминает время, когда важнее всех были швейцары на входе да бабки-уборщицы.

Я слушал, удивляясь, что этот человек с такой легкостью переходит от важнейших проблем к таким мелочам, которые для страны ничего не значат, а лишь задевают чувства особо совестливой интеллигенции. А Кречет, словно прочитав мои мысли, бросил угрюмо:

– Мы заставим народ узнавать Билла Гейтса по портретам и наслаждаться жизнью и вкусом академика Петковского, а не какой-нибудь сопливой певички, что сегодня утром запела, а к вечеру ее уже и со сцены согнали. А пока что телевизор хоть не включай...

Я заметил:

– С этим надо быть осторожнее.

– Почему?

– Люди!

– Все мы люди.

– Но одни сморкаются в скатерть, а другие нет. Которые сморкаются, их больше. И всем им интереснее, кто с кем спит из великих, чем их идеи.

Он махнул рукой:

– Да пусть интересуются, раз уж мы еще не совсем люди, но хотя бы действительно о великих! А то сочинителя шлягера, который завтра забудут, знают, а кто изобрел компьютер, кто создал программы к нему, кто перевернул в самом деле мир... не знают, скоты.

– Но других нет, – повторил я с набитым ртом. – Вся планета из этих скотов. А на Венере и Марсе вроде бы нет. Или скоты еще хуже. Так что в рай идти с этими!

– В рай?

– Каждый президент обещает построить рай, – напомнил я.

Коломиец, стремясь показать, что в его хозяйстве не все так жутко, велел принести ему пульт ДУ, прошелся по каналам, но, как назло, везде шли игры, игры, игры... Взрослые люди с мозгами младенцев азартно угадывали буквы в слове «мама», состязались, у кого длиннее уши, кто больше забыл школьных учителей...

– А что я могу? – огрызнулся Коломиец. – Это когда-то у министра культуры была здесь власть! А теперь массмедики сами власть, да еще какая!.. Они ведь тоже выражают чаяния народа, только посмотрите, сколько идиотов в зале! Я не попустительствую, просто отношусь к этим... ну, как к сексуальным меньшинствам. Все знают, что относиться к ним надо терпимо, это же не преступники, а просто больные люди, но все же каждый брезгливо сторонится таких людей... Так и эти бесчисленные игроки в лотереи, игры в слова, угадай песню, вспомни, как звали Александра Пушкина... а что, не всякий вспомнит даже с подсказкой!.. все эти люди – просто слабые, больные никчемы. На успех уже не рассчитывают, для этого надо иметь мозги или хотя бы работать, вот и уповают на удачу. Но хоть играют, а не воруют с ларьков.

Он разгорячился, маска стареющего аристократа растаяла, из-под нее выступило лицо очень неглупого человека. Говорил быстро, двигал руками, помогая речи, совсем как про-

столюдин, и я подумал, что Кречет не совсем дурак, если сумел как-то выделить этих людей и пригласить именно их на первое знакомство.

Кречет громыхнул:

– Этого меньшинства у нас девять десятых всего населения...

– Почему у нас? – тут же возразил Коломиец, он оживал на глазах. – Я побывал в других странах, так называемых развитых!.. У них эти лотереи на каждом шагу. Так что понятно, какие они развитые.

Кречет развел руками:

– Они сами себя, мер-р-р-р-рзавцы, называют развитыми. А мы, как попки, повторяем.

Коломиец наконец отыскал канал, где в этот момент телеведущие не рассказывали о себе, не шла передача из собора, даже не играли, а очень толстая женщина делилась впечатлениями, какая же это сволочь Кречет, что ждет бедную Россию и что нужно предпринять, чтобы остановить этого тирана, диктатора, узурпатора...

Кречет поморщился:

– Старохатская?.. До чего же гнусная харя. Терпеть не могу. Нет-нет, только посмейте!.. Она из настоящих... Не чета тем полуреволюционерам, бегунам на малые дистанции... Да ладно, знаете, о ком я... Те увидели улучшение для себя лично, мол, можно свободно ездить по заграницам и деньгу получать непосредственно из рук в руки, а не через сито в руках государства, и успокоились. А эта как танк прет дальше... С десяток Старохатских разрушили бы любое государство, но, к счастью, она одна... Но ее надо беречь, это национальное достояние. Она как никто улавливает малейшее неблагополучие, сразу поднимает визг, будто наступили на ее пороссячий хвост... Если ее убрать, народ сразу оглохнет и ослепнет, и хуже всего – даже не заметит своего калечества. Не-е-е-ет, враг она мне или нет – это дело десятое. Стране она не враг, а это главное.

– Она вас ненавидит, – заметил Коломиец сочувствующе.

Кречет недовольно дернул бровью:

– Я ее тоже. Но она дерется за страну, а Цирюльник, которого вы пропихиваете как надежного человека, в самом деле и ручку поцелует, и в зад лизнет, но страну разорит, как две Мамаевых орды.

Он откинулся, давая ловким рукам убрать грязную посуду. Взамен, как по волшебству, появились графины с соками, стакан морковного сока для Коломийца – его вкусы знали, а на Кречета посматривали с почтительным страхом.

– Ничего, – буркнул Кречет. Мазнул взглядом по их вытянувшимся лицам, пояснил: – Кофе попью у себя... А что вы, Виктор Александрович?

– Если сорт не сменился...

– Мокко, – подтвердил Кречет. – Такой же настоящий, как я – генерал. О президенте не говорю, но в генеральстве моем не сомневайтесь?

Я встал, с грохотом отодвинув стул:

– Так чего сидим?.. Надо работать. Мы знаем, ради чего.

Только Кречет уловил мой намек, кивнул, глаза потемнели:

– Узнают и другие. Но не сегодня.

Когда мы возвращались, нестройной такой толпой, словно цыгане после сытного обеда, еще больше усталые и разнеженные, я ощутил, что меня догоняет беседовавший с Коломийцем Коган. Я ощутил на себе взгляд его черных, как спелые маслины, глаз. Очень внимательный взгляд. Я повел бровью, он тут же сказал задумчиво:

– Фуруролог, как интересно... Нет, в самом деле как интересно! А как вовремя! У меня труба протекает в ванной. Да и в туалете что-то капает...

Я пожал плечами:

– Почему нет?

Он обрадовался:

– Беретесь?

– Почему нет? – повторил я. – Семьсот долларов в час.

У него отвисла челюсть:

– Сикоко-сикоко?

– Нормальная ставка среднего футуролога, – пояснил я. – Но я не средний, меня во всем мире признают если не лучшим, то хотя бы в первой тройке. Это я по минимуму, принимая во внимание голодное состояние страны... Правда, она голодная, может быть, и потому, что у нее такой сытый министр финансов.

Коган подпрыгнул, дико огляделся:

– Вы слышали? Все слышали этот поклеп?.. Это я сытый? Это я толстый? Жирный, да?.. Господин президент, он меня кабаном обозвал, а правоверные евреи свиней не едят!

Кречет отмахнулся:

– Какой из вас правоверный, Сруль Израилевич, мы все знаем... Кто голым в кабаке «Три поросенка» плясал на Пасху?.. Не вы?.. Странно, кто же мог тогда?..

В кабинете рассаживались шумно, бесстрашно двигали стульями, сгуживались по интересам, даже разговаривали. Коган плюхнулся в кресло сытый, лоб взопрел, но лицо было кислое:

– Почему не скажут, что от нас требуют почти невозможного? Внешний долг России до перестройки был всего одиннадцать миллиардов долларов. Пришел к власти Горбачев, за ничтожно короткий срок правления набрал... еще сто миллиардов! Но где эти деньги? Их надо отдавать Западу. Народ не понимает, почему мы должны так много, почему не отдаем... Я – министр финансов, но я этих денег и в глаза не видел!

Глаза Кречета зло сузились:

– Не знаете, где они?

Коган отшатнулся:

– Да кто не знает? По крайней мере те, кто вхож в эти двери, знают все... Но этот мешок с деньгами... простите, вагон... даже эшелон золота, им отдали за то, что они уступили взамен власть... поменяв ее на власть банкиров, финансовых магнатов... Эти несколько человек и есть самые богатые люди на свете, а не Билл Гейтс, заработавший свои восемнадцать миллиардов честно на разработке компьютеров, или султан Брунея, получивший в наследство... Конечно, эти люди загнали нашу страну в глубокую... простите, это вы военный, но здесь есть и культурные люди, не решусь, не решусь... Но уж лучше было отдать им эти жалкие сто миллиардов, и пусть теперь шикают, чем мы жили бы и доньше при Советской власти...

Марина внесла кипящий кофейник, хорошо знала привычки Кречета, расставила чашки, а к Кречету обратилась так просто, как, вероятно, обращалась все пятнадцать лет, когда ему было очень далеко до этого кресла:

– Платон Тарасович, к вам просится на прием Кленовичичевский.

Кречет переспросил:

– Это правозащитник? Впрочем, с такой фамилией второго встретить...

Краснохарев задвигался, сказал густо, проявляя осведомленность:

– Главным правозащитником был избран Петров. Его предложил сам президент, а Госдума после тщательного обсуждения утвердила его кандидатуру...

Я видел, что Кречет не поверил своим ушам:

– Президент?.. Госдума?

– Ну да, – подтвердил Краснохарев с удовольствием. – Все по закону. Все процедурные вопросы соблюдены в точности.

Кречет проглотил какое-то выразительное слово, что вертелось на языке и едва-едва не сорвалось, но, похоже, не один я поработал литейщиком: судя по лицам министров, все поняли, даже договорили про себя недостающие слова этого заклинания, так облегчающие душу и, как говорят психоаналитики, снимающие стресс.

– Здорово, – выдохнул он наконец после длинной, хоть и немой фразы, что как колокол звучала в наших ушах, потому что произносилась хором, – а митинги протеста против своего режима не само правительство организывает?.. Жаль.

– А то бы организовали? – спросил Коган.

– Конечно, – заверил Кречет. – Ломать – не строить. И удовольствия больше. Марина, зови... нет, проси его прямо к нам. Да, прямо на заседание. Мы чуть прервемся, а то мозги уже скрипят, пусть отдохнут, а мы пока поговорим с правозащитником. А того, назначенного, не пускать! Это же анекдот, если правительство само пишет текст на лозунгах оппозиции или указывает, за что его критиковать!

Марина заколебалась:

– А может, все-таки в шею? Вам работать надо.

– погоди, все-таки этот экземпляр из редкой породы бескорыстных. Их оберегать надо. Зови! Только принеси для него кофе. Посмотрим, кто кого использует.

Марина вышла, а Яузов буркнул:

– Какая длинная фамилия... По мне, уж Сруль Израилевич и то проще.

Я ощутил, что надо и мне что-то сказать, поучаствовать, а то вроде бы работа кипит, все что-то делают, торопливо записывают ценные указания Кречета, шепчутся, по-государственному морщат лбы и двигают бровями, только я глазею по сторонам, отмалчиваюсь.

– Да все просто, – объяснил я. – Был когда-то человек по имени Клен. Его дети на вопрос: чьи? – отвечали – Кленовы. Через тридцать-сорок лет дети мужика по фамилии Кленов отвечали на такой же вопрос: кленовские. Или – Кленовичи, если жили чуть западнее. Дети Кленовича уже были Кленовичичи, а дети Кленовичича – Кленовичичевскими. Хоть и длинная фамилия, но произносится легко. Попробуйте!.. Только везде упрощающие жизнь, как жаждется простому человеку, американцы ломают язык.

Коган с восхищением повертел головой:

– Здорово! Хочу посмотреть на его внуков.

– Эпоха образования фамилий уже закончилась, – разочаровал я его. – А то бы у нас были Компьютеровы, Телевизорские, Программистовы, Визажистичи, Факсовы, Факсовичи, Факсовские, Факсучи...

– Факсучи, – повторил Коган с сожалением, – как жаль, что эта эпоха у вас кончилась.

Яузов смотрел с неприязнью:

– Ничего, Сруль Израилевич. У нас, Сруль Израилевич, и других забав хватает. И без этого... Грамматикоподоллопуса имена интересные, поверьте, Сруль Израилевич, встречаются...

ГЛАВА 13

Кленовичичевский вошел робко, но робость была не от страха перед высокими государственными лицами, а от природной застенчивости, которую многие ошибочно принимают за слабость. Он вздрогнул, увидев в кабинете столько народу, замялся, опять же из-за повышенной интеллигентности, проще выкладывать все сильному диктатору правду с глаза на глаз.

Кречет пошел навстречу, пожал руку, проводил к столу. Краснохареv без особой приязни протянул ему пустую чашку, взял кофейник:

– Вам покрепче или как?

Кленовичичевский сказал застенчиво:

– Лучше «или как». Сердце, знаете ли...

– Знаю, – пробурчал Краснохареv. – У меня оно тоже где-то есть. Не зря же что-то в пятках шебаршится.

Коломиец придвинул Кленовичичевскому сахарницу:

– Потребляете белый яд?

– Да, пока еще...

– Сколько?

– Одну ложечку. Спасибо, довольно.

Он взял чашку обеими руками, словно грея ладони о жестяную кружку возле лагерного костра. Близорукие глаза застенчиво щурились. Кречет сказал благожелательно:

– Пусть белый яд борется с черным! Кофе от этого только слаще. Что вас привело к нам, Аполлон Вячеславович?

Кленовичичевский сказал смущенно:

– Честно говоря, я ожидал, что буду добиваться приема много недель. Но вот так, сразу, у меня в голове все смешалось... Помню, что в числе целого ряда вопросов был вопрос о правах осужденных, что постоянно нарушаются... Суд несправедливо осудил Сидорчука, а этот убийца на самом деле несчастный человек. Его надо лечить...

Я ощутил неловкость, справа и слева хмыкали, отводили взоры. Яузov смотрел на правозащитника с откровенной враждебностью, взгляд был оценивающий, словно надел на него двойную выкладку и гонял по грязи. Но уже не привлечь даже на сборы, слишком стар, правозащитник чертов...

Кречет, словно чувствуя общее настроение, развел руками:

– Права преступников?.. Меня больше заботят права тех людей, которых они убивают, грабят, насиуют! Этот Сидорчук, судя по прессе, изнасиловал и убил троих женщин, а вы требуете его лечить?

– Да, это принято во всем мире...

Кречет зло оскалился, как хищный волк:

– Да плевал я на весь этот мир! Лечить преступника, в то время как добропорядочным гражданам не хватает лекарств, мест в больнице, врачей? Пуля их вылечит!

Кленовичичевский отшатнулся в ужасе, с трясущимися губами, растерянный. Пролетал:

– Но как же... Если у нас правовое государство...

– Вот и будем соблюдать, – сказал Кречет бодро. – Но на все раны йоду не хватит. Давайте сперва самые тяжелые перевяжем, согласны?.. От которых общество вовсе копыта откинуть может. А потом и царапины залечим. Скажем, по вашему настоянию, в интересах защиты прав человека, я отдал распоряжение представить на телевидении, в прессе и на радио... где еще?.. ага, на митингах, если таковые будут, интересы всех конфессий. Как вы

говорили, в России есть не только православные, но и католики, мусульмане, даже ламартины... нет, ламаисты, кажется. А со стороны создается впечатление, что православная церковь все подмяла под себя. А это касается всего населения, а не горстки преступников!

Кленовичичевский хлопал глазами, даже открывал и закрывал рот, словно рыба на берегу, явно пытался сообщить, что он такого не говорил, а если и говорил, то кто-то другой из правозащитников, но Кречет речь не прерывал, и на скорбном лице Кленовичичевского отразилось раздумье. Попробуй скажи, что такое не говорил, что Кречет с кем-то спутал, тот может передумать, а он прав: права мусульман и католиков ущемлены, а их побольше, чем всех осужденных. К тому же, если выбирать, о ком заботиться в первую очередь, то все же о честных и свободных гражданах, опять же проклятый диктатор прав...

Кречет умолк, вопросительно посмотрел на правозащитника. Тот понял, встал, поклонился:

– Спасибо. Распоряжение... вы сказали... скоро будет готово?

– Указ, – поправил Кречет значительно. – Вон бумага на столе, видите? Мирошниченко, наш пресс-секретарь, уже набрасывает проект. Считайте, что я его только что подписал.

Мирошниченко пробежал глазами листок:

– Да, пожалуй... все. Можете ознакомиться.

Кречет быстро прочел, я видел, как он мгновенно вгрызается в каждое слово, перефразируя его со всех сторон, затем подписал и протянул Кленовичичевскому:

– Вот видите, как иметь дело с военными? Никакой волокиты. Возьмите с собой, ознакомьте прессу.

Кленовичичевский торопливо взял листок, даже не пробежал глазами, доверяет, бедолага, мало его дурачили, поклонился еще и так же торопливо попятился к выходу. Президентский указ прижал к груди.

Кречет внезапно сказал в спину:

– Да, вот еще...

Кленовичичевский остановился, медленно повернулся. Листок все еще прижимал к груди, но лицо приняло обреченное выражение, будто отняли права всех людей земного шара.

– Передайте прессе, – сказал Кречет, – что я пригласил вас в свою команду. В малый совет!

Когда дверь за ним захлопнулась, Язов сказал недовольно:

– Что за кукукнутый у нас президент? Сам отдал ему всю славу! Еще и в сумку сложил.

– Да, – согласился Коган язвительно, – теперь отцом потепления в вопросах религии назовут Кленовичичевского. А борзописцы придумают, как он вынашивал эту идею в лагерях, добивался у предыдущего президента, а у этого зверя буквально вырвал из окровавленной пасти, откуда еще капала кровь невинно замученных жертв!

Кречет смерил его недобрым взглядом:

– Я уже знаю, кто будет первым невинно замученным...

– Это не я, – быстро сказал Коган. – Я виноват даже в том, что Христа распяли.

– Это ваше внутреннее дело, – определил Кречет великодушно. – Евреи еврея – нам-то что? Жаль, что одного. Могли бы хотя бы пару сотен. Мелочь, конечно, но приятно... Редкий случай доставить радость всему свету и всем народам!.. Словом, пусть Кленовичичевский будет отцом этого потепления, но и все шишки на него. Мне бы от вас отгавкаться, и то подвиг. Тут еще одна задачка, помимо старых... Казаки снова потребовали вернуть им три района, которые в пятьдесят седьмом были зачем-то переданы Чечено-Ингушетии. А если не вернем, то берутся их вернуть сами. И плевать им на мое правление. И плевать на то, что я могу кровью залить все Ставрополье!.. По сути, это ультиматум. У меня выбор небогат: либо поссориться с казаками, а это не худшая часть народа, совсем не худшая! – либо с Чечней, с

которой и так в ссоре. Понятно, что надо плюнуть на казаков, а Чечню поцеловать в зад, у нас всегда плевали на свой народ, до того доплевались, что более заплеванного и затюканного народа нет на свете...

Я не поверил своим ушам:

– Плюнете на требования казаков?

– Я сказал, что раньше всегда плевали на своих, а чужих целовали... Но мы начинаем возрождение России или нет?

Коломиец откашлялся, сказал бархатным голосом:

– Вообще-то это была подлейшая предательская политика предыдущего правительства! Весь Кавказ до предела набит оружием, каждый чеченец или ингуш с автоматом ходит в кино и гуляет по улицам, а казачеству не разрешается иметь даже пистолетов!

Мирошниченко, пресс-секретарь, подхватил:

– А если бы казаки вздумали вооружиться сами, как это сделали чеченцы... представляю, с какой жестокостью бросили бы все танковые армии против них! Со своими у нас привыкли не церемониться. А если не уважаем свой народ, то как нас будут уважать те же чеченцы, грузины, американцы?

Что-то меня беспокоило с самого начала, и только сейчас начал понимать причину. Слишком быстро Кречет нашел единомышленников. Когда эти люди говорят так, будто это Кречет говорит другими голосами... Я – другое дело, Кречет настолько выучил мои книги, что буквально говорит цитатами, но эти люди совсем недавно работали в кабинете, который вел совсем другую политику. Либо лгали все годы, либо лгут сейчас, поддакивая и угождая. Но скорее второе, ибо Кречет высказывает совсем не то, что привыкли слышать от президента.

Краснохарев, молчаливый Усачев, медведистый Яузov... Все они следили за президентом очень внимательно, а Краснохарев, улучив минуту, сказал глубокомысленно:

– Раз уж заговорили о казачестве, о праве на личное оружие... Есть идея, как привлечь на свою сторону самую многочисленную партию.

Кречет скривился:

– Демократов?

– Куда демократам, – усмехнулся Краснохарев с победностью в голосе, – сейчас силу быстро набрала партия Валерия Полозова!

– А, это те, кто требует право носить оружие?

– Да. Почему не пообещать, что право на ношение гражданами оружия будет записано прямо в Конституции? Как в США. Конечно, сперва только избранным... Ну, как при Хрущеве, когда собирались разрешить иметь дома оружие членам партии. Теперь партии нет, но остались люди, что прожили на данном месте не меньше десяти лет, психически здоровы, не были, не привлекались, не участвовали... еще какие-нибудь ограничения, а дальше постепенно можно расширять круг владельцев оружия.

Он в задумчивости покачал головой:

– Да, партия Полозова быстро набрала силу и сторонников... Вообще-то я целиком за то, чтобы население обзавелось оружием. У мужчины, обладающего оружием, распрямляется спина. Он начинает смотреть гордо, в глазах появляется достоинство. Но обязательно будут случаи, когда пьяный муж застрелит неверную жену, а в тещу так и вовсе всадит всю обойму... А при нынешнем крике о сверхценности человеческой жизни выдержать будет непросто.

Яузov покряхтел, сказал:

– Я против, хоть убейте. Боюсь я вооруженной страны. Когда все оружие в моих руках...

Коган произнес с двусмысленной улыбкой:

– Ваших?

Яузов понял не сразу, нахмурился:

– Моих! А я сам – правая... или левая рука Кречета. Пусть десятая, если у него их как у осьминога.

– Тогда уж кальмара, – поправил Кречет. – У осьминога, судя по названию, восемь. Сергей Павлович, сколько в Москве за год погибает людей? Не умирает, а погибает?..

Черногоров, министр МВД, развел руками:

– А что я могу поделывать?.. Два-три человека ежедневно в автокатастрофах на месте, с десятком... которые еще не всмятку, увозят в больницы. Опять же два-три при разборках, пьяных драках. Один-два погибают при пожарах. Вот и считайте, сколько в год набегит только по Москве... За день больше, чем за месяц войны в Чечне.

Кречет удовлетворенно кивнул:

– Это наша обычная жизнь. Две тысячи в год только по Москве и только в автокатастрофах! Но люди от авто не отказываются. Ездят, нарушают правила, превышают скорость, обгоняют... И никому не приходит в голову запретить автомобили.

– Тогда уж запретите и курение, – сказал Коган ядовито. – А то от рака легких...

Кречет хотел бросить что-то злое, видно по лицу, я опередил:

– В США оружие есть у населения лишь потому, что народ сперва обзавелся всякими «кольтами» да «винчестерами», а потом создал страну и правительство. А теперь правители ломают головы, как отобрать. Вспомните их любой фильм, книгу, сюжеты на ТВ! Везде одно и то же: ежели вас остановит грабитель и потребует кошелек, ни в коем случае не оказывайте сопротивления. Отдайте все: деньги, часы, одежду, обувь, пусть изнасилует – неважно, какого вы пола, – пусть нагадит, искалечит, надругается, но ни в коем случае не оказывайте сопротивления!.. Если выживете, то заявите в полицию, а мы начнем розыск и поиски преступника... нет, пока только подозреваемого в преступлении, а потом, если отыщем, его ждет наказание по закону. Если он, конечно, будет арестован, а его адвокаты не посадят вас и всю полицию за клевету. Так что, Платон Тарасович, взвесьте хорошенько. Мы будем единственной страной, где законы об оружии не ужесточаются, а... А вы станете первым в мире президентом, который не отбирает оружие у населения, а совсем наоборот...

Яузов заметил с ухмылкой:

– Ну, насчет первых и единственных загнули. Вон и Чечня, и Саддам Хусейн, и Кувейт...

– Наш футумартиролог, – отпарировал Коган, – говорит о цивилизованных странах! По крайней мере о тех, кого принято именовать цивилизованными.

– Кто сам себя называет так, – поправил Кречет. – Впрочем, какая беда от того, что население получит право иметь оружие?.. Бандиты и так обвешаны им, как опереточные герои. Если разрешить продажу оружия частным лицам, то покупателями будут только добропорядочные граждане. Ведь почему власть не желает позволить простым гражданам иметь оружие? Да потому, что труднее их будет грабить!

Я посмотрел с удивлением:

– Я что-то не понимаю. Как будто не вы президент!

– Значит, первый грабитель?

– Просто самый крупный, – уточнил я. – Как вы понимаете, это не оскорбление, а констатация. Еще наши первые князья ездили на полюдь, что на современном языке именуется иностранным словом «рэклет»...

Он отмахнулся:

– Да знаю-знаю, что и терроризм, и рэклет, и захваты заложников – это чисто русское изобретение. И слоны тоже все наши. Мне кажется, что оружие можно не давать англичанам, у них и так прямые спины, а смотрят прямо в глаза. А русским надо! Оружие в самом деле

придает гордость. Когда я беру в руки пистолет, у меня раздвигаются плечи. Черт, да не обязательно держать в руках: достаточно купить и запереть в шкаф, но само сознание, что у тебя есть оружие, делает твой взгляд гордым.

Министр МВД деловито положил перед собой калькулятор:

– А давайте сперва прикинем, сколько олухов погибнет в первые месяцы, пока привыкнут, пока установятся новые отношения.

Кречет смотрел нетерпеливо. Коган вытащил свой калькулятор, огромный, почти ноутбук, принялся демонстративно пересчитывать, не давая министру передернуть цифры.

– Ну, – спросил Кречет нетерпеливо, – сколько у вас было в школе по арифметике?

– Так мы ж не в столбик, – бодро откликнулся Коган, он торопливо складывал, делил, множил, пальцы порхали по клавиатуре, как кузнечики по лугу. – Тут потруднее, техника-то какая...

– Что за министры, одни второгодники...

Коган придвинул к Кречету калькулятор, предлагая посмотреть на итог, а заодно позавидовать импортной шутовине:

– Что-то около шестисот-семисот.

Кречет повернулся к силовому министру:

– Сколько, говоришь, у тебя гибнет людей на дорогах?

– Как гибнут, так у меня... За год около двух тысяч. Примерно втрое больше, чем у Язува.

Язув грозно засопел, повернулся к нему всем корпусом. Зрелище было устрашающее, словно в сторону берега развернулась корабельная башня. Острые глазки из-под мощных надбровных дуг уставились, как жерла орудий:

– У меня?

– За всю войну в Чечне, – поправился силовой министр после рассчитанной паузы.

– Тогда не я был министром, – возразил Язув сварливо.

Кречет сказал жестко:

– Пусть Кленовичевский с его командой наплюют на мою могилу за несоблюдение прав и прочего словесного дерьма, что превратило наших людей... да только ли наших!.. в не знаю что... но оздоровление народа стоит крохотного кровопускания. Для начала разрешим вооружиться казакам. Если у горцев национальная традиция ходить при оружии, то была она и у казаков. Это Советская власть отобрала, а мы где с нею распрощались, а где держимся. Причем казакам разрешим вооружаться не только личным оружием, а как было встарь. Каждый с личным оружием, на станицу два-три танка. Пару бронетранспортеров, с десяток гранатометов. Может, танков и бронетранспортеров даже побольше. Ведь они вместо коней, а каждый казак должен был содержать дома боевого коня со всем снаряжением... А за недельку-другую разработаем и примем закон и о гражданах России.

Он потянулся сладко, взглянул на часы, удивленно покачал головой. Я с трудом разогнул затекшую спину. Уже за полночь.

Язув тоже посмотрел на часы, буркнул:

– Что-то, мне кажется, при таких темпах мы его примем уже завтра.

– А что? – откликнулся Кречет бодро, только темные круги под глазами выдавали усталость. – Мы неплохо поработали. Посмотрим, во сколько приползете завтра.

Министры переглядывались, а Коган откашлялся и сказал нежным бархатным голосом:

– Значит ли это, Платон Тарасович, что нам не стоит... пока переходить на те теплые местечки, которые многие уже присмотрели?

Кречет кивнул:

– Не стоит. Я не виню вас, как и других, что ни бе ни ме ни кукареку в старом кабинете. Трудно что-то сделать, когда связан по рукам и ногам. Но вы хоть не воровали направо и

налево, не продавали земли и заводы за бесценок, не открывали счета в швейцарских банках. Думаете, не знаю? На всех вас есть досье, мерзавцы!.. Но ваши руки самые чистые. То ли такие хитрые, что не поймаешь, то ли в самом деле моете, как Фурманов, выходя из туалета.

ГЛАВА 14

Не знаю, сова я или жаворонок, могу работать ночи напролет, но могу завалиться спать среди бела дня. После рабочего дня в четырнадцать часов был уверен, что просплю до обеда, но открыл глаза чуть ли не на восходе солнца.

Хрюка бесстыдно спала. На спине, растопырив задние лапы, открыв брюхо, покрытое редкой светлой шерстью. Губы отвисли, открывая страшные клыки.

Я поднялся почти ошупью, как всегда встаю утром, даже если сна ни в одном глазу, смолот и сварил кофе, и лишь когда влил в себя большую чашку, горячего, крепкого, обязательно сладкого, ощутил, что начинаю медленно просыпаться.

Хрюка раскрыла глаза только при звуках ножа на доске: режу ли ее любимую колбасу. Еще медленнее, не спеша, долго потягивалась, равнодушно приняла пару ломтиков, только в глазах был вопрос: пойдём или полежим еще?

– В холодильнике пусто, – объяснил я. – Даже хлеба нет! А ты, бесстыжая, все жрать требуешь.

Ночью прошел короткий дождь, небо блестело синее, но люди, как тупой скот, ходили с раскрытыми зонтиками, тыкали острыми концами друг другу в глаза, раздраженно ругались. Никому не приходило в голову, что пора свернуть, небо чистое. А если и упадет капля, то все же вода, а не ящик с гранатами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.